ОБЗОРЪ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ОСОБЕННОСТЕЙ НАРѢЧІЯ МАЛОРУССКАГО СРАВНИТЕЛЬНАГО СЪ ВЕЛИКОРУССКИМЪ И ДРУГИМИ СЛАВЯНСКИМИ НАРѢЧІЯМИ.

При современномъ вниманіи къ ученой разработкѣ языка Славянскаго, по всѣмъ его нарѣчіямъ, нельзя не остановиться и на Малорусскомъ нарѣчіи, развившемъ въ себѣ столь-же своебытныя черты, какъ и остальныя нарѣчія Славянскія. Тѣмъ непростительнѣе для филолога опустить его изъ вида, чѣмъ менѣе сдѣлано для этого нарѣчія и чѣмъ замѣтнѣе постепенное сглаживаніе нѣкоторыхъ чертъ его вслѣдствіе проявлявшагося сближенія съ говоромъ Великорусскимъ. Это сближеніе вполнѣ уже очевидно въ городахъ, въ Малорусскихъ селеніяхъ, смежныхъ съ Великорусскими, и въ селеніяхъ съ народонаселеніемъ смѣшаннымъ; оно отчасти проникаетъ и въ самую глушь Малороссіи и должно проникать и проникнуть, если мы примемъ въ соображеніе обнаруживающуюся къ этому сближенію охоту въ самихъ простолюдинахъ. Время, слѣдовательно, и обстоятельства требуютъ подробнаго и точнаго собранія всѣхъ особенностей нарѣчія Малорусскаго; но до-сихъ-поръ нельзя похвалиться, чтобы въ этомъ отношеніи дѣло шло удовлетворительно. Не говоря уже о разнообразныхъ мѣстныхъ говорахъ или оттѣнкахъ, которые вовсе неопредѣлены въ нарѣчіи Малорусскомъ, самыя общія черты, отдѣляющія его отъ

другихъ нарѣчій родственныхъ, особенно отъ Великорусскаго, извѣстны лишь въ весьма ограниченномъ количествѣ, да и то въ самомъ разбросанномъ видѣ. Причина понятна: нарѣчіе Малорусское, со-времени грамматики Павловскаго (Харьковъ, 1818), ни разу у насъ не служило предметомъ исключительнымъ для обработки, а входило только незначительною частью въ другія изслѣдованія, и то не какъ само цѣль, а какъ средство, пособіе для цѣлей другихъ. Съ такимъ значеніемъ являлись нѣкоторыя замѣчанія въ трудахъ Максимовича, Срезневскаго и другихъ; сюда-же можно отнести и отрывочныя замѣтки въ собраніяхъ пѣсень и стихотвореній Малорусскихъ: Максимовича (Москва, 1827; Кіевъ, 1849), Метлинскаго (Харьковъ, 1839, 1848). Если даже и случалось, что Малорусское нарѣчіе становилось само цѣлью изслѣдованія, то ему придавалась такая форма, что о подробностяхъ и полнотѣ нельзя было и думать, какъ напр. въ программѣ Метлинскаго (Кіевъ, 1854), въ «Народописи» Шафарика, или въ самомъ сравнительномъ звукоученіи Миклошича. Первая, какъ программа, говоритъ оглавленіемъ уже о неполнотѣ; для автора-же Народописи необходимы были лишь самыя существенныя особенности, которыя могли-бы отдѣлить нарѣчіе Малорусское отъ другихъ Славянскихъ, какъ особенное; отдѣлъ о Малорусскомъ нарѣчіи Миклошича заключаетъ болѣе подробностей, но онъ касается исключительно звуковъ, и не вездѣ отличается точностію и вѣрностію. Въ западной половинѣ области нарѣчія Малорусскаго, въ Галиціи, грамматическихъ трудовъ было больше; но, съ одной стороны, ложный взглядъ на свой языкъ Лучкая и Левицкаго, зачастую не отдѣлявшихъ его отъ нарѣчія церковно-Славянскаго, съ другой—слишкомъ неуклончивое подражаніе Гречу и Востокову въ грамматикѣ Вагилевича, заслуживающей впрочемъ полное одобреніе по собраннымъ во введеніи особенностямъ мѣстныхъ говоровъ въ Галицкой Руси, не даютъ возможности ограничиться и этими трудами для полнаго взгляда на Малорусское, еслибы даже оно и ничѣмъ

не отличалось отъ Галицко-Русскаго. Такимъ образомъ, для восточной половины остается, какъ трудъ спеціальный и до извѣстной степени систематическій, одна грамматика Павловскаго. Въ 1849 г., во Львовѣ, вышла брошюра Головацкаго, въ 56 страницъ, подъ заглавіемъ: *Розправа о языцѣ южнорускомъ и его нарѣчіяхъ*. На основаніи Добровскаго и Шафирика показавши мѣсто Малороссіскаго нарѣчія, въ ряду остальныхъ нарѣчій Славянскихъ, его область и коротко отличительныя черты, авторъ самостоятельно излагаетъ мнѣнія о поднарѣчіяхъ нарѣчія Малорусскаго (38—45 стр.). Разбросанныя, безъ опредѣленной системы, особенности говоровъ, и то въ одной Галицкой Руси, у Вагилевича, Головацкимъ сведены въ одну систему, подъ три главные говора, при чемъ дано мѣсто и юго-восточному отдѣлу, въ южной Россіи, подъ именемъ Волынско-Подольскаго нарѣчія. Остальныя два: Галицкое и Горское (Карпато-Русское). За этимъ, на стр. 43—55, проведены параллельно 20 особенностей, отдѣляющихъ другъ отъ друга всѣ три поднарѣчія; въ заключеніе извлечены изъ Шафарика признаки Великорусскаго и Бѣлрусскоаго *языковъ*. Отсюда видно, что брошюра Головацкаго не имѣла цѣлію подробно обозрѣть черты нарѣчія южно-Русскаго, съ опредѣленіемъ филологическаго ихъ значенія и историческаго ихъ развитія, насколько дозволяютъ это сдѣлать скучные по древности памятники Малороссійскаго нарѣчія; съ другой стороны, *розправа о языцѣ южнорусскомъ* должна занять первое мѣсто въ ряду филологическихъ трудовъ въ Галиціи, по знанію авторомъ особенностей Галицко-Русскихъ говоровъ и по умѣнью его давать, въ большей части случаевъ, истинное значеніе каждой особенности при классификаціи послѣднихъ, — что̀ составляетъ плодъ его знакомства съ другими Славянскими нарѣчіями и съ современными трудами по Славянскому языкознанію. Но уже время, въ которое появилась эта грамматика, служитъ достаточнымъ ручательствомъ въ ея недостаточности и въ непрочности воззрѣнія на самый предметъ: при шаткости, а можетъ быть и при от-

сутствіи знакомства съ соплеменными нарѣчіями, кромѣ Великорусскаго, автору трудно было отыскать и мѣрило, по которому-бы можно было неопустительно собрать отличительныя свойства взятаго имъ для изслѣдованія нарѣчія, особенно когда и самый церковно-Славянскій языкъ извѣстенъ былъ ему только по печатнымъ новѣйшимъ книгамъ. Отсюда понятно, почему отдѣлъ о звукахъ и словообразованіи, важнѣйшій при сравнительномъ изученіи родственныхъ нарѣчій, такъ бѣденъ у Павловскаго даже и сравнительно съ остальными отдѣлами, не отличающимися также богатствомъ, и притомъ составленными по мѣркѣ бывшихъ въ то время въ ходу грамматикъ Великорусскихъ; отсюда понятенъ и справедливый отзывъ Шафарика, назвавшаго еще въ 1842 году грамматику Павловскаго *chudau mluwnici*. Между-тѣмъ, если не для всякаго желающаго и могущаго есть средства изслѣдовать свойства и предѣлы мѣстныхъ оттѣнковъ нарѣчія Малорусскаго, то никто не можетъ въ настоящее время отказать въ возможности составить полный обзоръ общихъ его особенностей на основаніи приготовленныхъ уже пособій. Подъ этими пособіями я разумѣю богатое собраніе народной словесности, на которую было обращено преимущественное, даже почти исключительное по сіе время вниманіе образованныхъ и ученыхъ любителей народнаго языка и литературы. По положенію въ наукѣ издателей народной Малорусской словесности, и бóльшая часть изданій ихъ носитъ въ себѣ залогъ той точности и вѣрности, какія необходимы для охотника заняться обработкою языка этой словесности. Принимая во вниманіе, какъ главный матеріалъ, указанныя пособія, не отпуская, впрочемъ, изъ вида и другихъ трудовъ по нарѣчію Малорусскому, я постараюсь представить его особенности: 1) со стороны употребленія звуковъ; 2) словообразованіе; 3) со стороны формъ этимологическихъ и синтаксиса. За этимъ, пользуясь изслѣдованными свойствами современнаго нарѣчія Малорусскаго, считаю не лишнимъ кратко указать на мѣсто для него въ ряду другихъ нарѣчій Славянскихъ.

1) *Употребленіе звуковъ.* а) *Гласныхъ.* Въ числѣ гласныхъ звуковъ, составляющихъ особенность въ нарѣчіи Малорусскомъ, указаны Шафарикомъ слѣдующіе пять: употребленіе *и вмѣсто ѣ; и* вмѣсто *о;* неизмѣнность *о* въ томъ случаѣ, когда нѣтъ надъ нимъ ударенія; смѣшеніе *ы* съ *и;* замѣна *у* посредствомъ *в.* Эти особенности, какъ отличительныя въ нарѣчіи Малорусскомъ, повторены и въ программѣ Метлинскаго (на стр. 22). Оставляя пока исчисленіе особенностей въ другихъ гласныхъ звукахъ, составляющихъ не менѣе указанныхъ характеристическія свойства нарѣчія Малороссіи, я остановлюсь на приведенныхъ Шафарикомъ, съ цѣлію разсмотрѣть ихъ происхожденіе и общность въ употребленіи. Что касается до перваго звука, то выраженіе *и* вмѣсто *ѣ*, будучи вполнѣ справедливо относительно правописанія старо-Славянскаго, едва-ли удовлетворительно по-отношенію къ коренному значенію *и* Малорос. нарѣчія въ указанномъ случаѣ. Произношеніе *и* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ правописаніе ст.-Слав. употребляетъ *ѣ*, есть явленіе едва-ли не обще-Славянское, хотя и не столь исключительное въ каждомъ нарѣчіи, какъ въ Малорусскомъ. Оно слышно изрѣдка въ нарѣчіи Болгарскомъ, часто у Сербовъ, нерѣдко у Чеховъ, Лужичанъ, Поляковъ, было извѣстно и у Славянъ Балтійскихъ; вся сѣверная и частію восточная часть великой Россіи не только не чуждается этого звука, но въ нѣкоторыхъ говорахъ предоставляется ему даже исключительное господство, какъ, напр. въ говорѣ Новгородскомъ. Сравнительная филологія опредѣлила происхожденіе звука *ѣ*, какъ развитіе коренного *и;* вслѣдствіе чего и звукъ *ѣ* Славянскій сталъ соотвѣтствовать двоегласнымъ звукамъ родственныхъ языковъ, былъ имъ, конечно, и самъ въ первоначальное время. Но какъ двоегласность эта распространилась далеко не вездѣ по нарѣчіямъ Славянскимъ, ограничившись нѣкоторыми лишь частями нарѣчія Сербскаго и Хорутанскаго (*ије*, *еј*), такъ точно и коренное *и* могло остаться не развитымъ и употребляться въ первобытномъ своемъ видѣ въ различныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ Славянскихъ. И дѣйстви-

тельно, памятники письменности Славянской могутъ служить въ этомъ отношеніи надежнѣйшимъ свидѣтелемъ того, что современное *и* нѣкоторыхъ нарѣчій, равное стар.-Слав. *ѣ*, не развилось изъ послѣдняго, а уцѣлѣло отъ первобытныхъ временъ, не успѣвши потерпѣть никакихъ видоизмѣненій. Самые памятники стар.-Слав. нарѣчія, древнѣйшіе, не обнаруживаютъ далеко той общности *ѣ* вм. кореннаго *и*, какая появилась впослѣдствіи. Такъ, рядомъ съ *вѣтия*, *цѣстити*, *колѣ*, *погрѣбати*, *съплѣтати*, *пролѣяти*, *свѣтати* и др., находимъ нерѣдко: *вития*, *чистити*, *коли*, *погрибати*, *съплитати*, *пролиюти*, *свитати* и др. Памятники пасьменности Новгородской, не исключая и лѣтописей, заключаютъ разительное доказательство господство *и*, какъ первые листы перной лѣтописи Новгородской или первые по времени изъ дошедшихъ до насъ актовъ правительственныхъ. Конечно, по отсутствію древнихъ памятниковъ Малорусскихъ, мы не можемъ показать фактически отсутствіе въ древнѣйшемъ Малорус. нарѣчіи звука *ѣ;* тѣмъ не менѣе, судя по всеобщности господства *и* не только въ наше время, но и въ XVIII, XVII, XVI, даже въ XV столѣтіи, и принимая во вниманіе нарѣчіе Новгородское, въ которомъ какъ теперь, такъ и въ отдаленную пору, по свидѣтельству всѣхъ памятниковъ, *и* оставалось неизмѣннымъ, должно заключать, что и въ немъ искони не существовалъ звукъ *ѣ*. Къ тому-же, въ Славян. языкѣ нѣтъ и примѣровъ, гдѣ-бы *ѣ* превращался въ *и;* наоборотъ *и* въ *ѣ* (= *jĕ* = *ĕ*) находитъ подтвержденіе въ Чешскомъ нарѣчіи, и притомъ въ историческую пору (Срв. Počat. star. česk. mluwn. Šaf. § 17), какъ и въ самомъ нарѣчіи Малорос., въ говорѣ Черниговскомъ *и* съ удареніемъ произносится какъ *ије*, подобно нарѣчію Сербскому. Полагаю, что только отсутствіемъ развитія *и* въ *ѣ* возможно объяснить и слѣд. формы въ Малорос. нарѣчіи: *жерты*, *мерты*, *перты*, *терты*, *черты*, *дерты*, *понерты*, являющіяся въ стар.-Славян. въ видѣ: *жрѣти*, *мрѣти*, *прѣти*, *трѣти*, *чрѣти* и т. д. Въ послѣднемъ звукъ *ѣ* образовался чрезъ усиленіе кореннаго *ь* (= слабому *и*), кото-

рое нерѣдко въ древнѣйшихъ памятникахъ и остается безъ измѣненія въ *ѣ: жрьти, мрьти* и т. п. (срв. Миклош. Vergleich. Lautlehrc. стр. 100, 101); или возвращается въ спряженіи: *врьщи — врьхж, рьщи — рькж*; такъ и отъ формы *кльчаше* (въ жит. Бориса и Глѣба, стр. 25, а) должно заключать о неопредѣленномъ *клѣтити* = Рус. *колотить: токмо душа ѥго в немь бѣше и сердце кльчаше в немь.* Нарѣчіе Малорос., чуждаясь подобнаго превращенія *ь* въ *ѣ*, измѣнило первое, согласно вообще съ говоромъ Русскимъ, въ *е;* мѣсто, занимаемое звукомъ *е* въ словахъ: *жерты, мерты* и под., еще яснѣе говоритъ о несуществованіи никакой связи съ *ѣ*, и о происхожденіи *е* изъ *ь*, подобно общепринятому: *смерть* (= *смрьть*), *сердце* (= *срьдьце*) и т. д. Такимъ образомъ, говоря объ *и* вм. *ѣ*, какъ объ одной изъ отличительныхъ чертъ нарѣчія Малорос., мы не должны терять изъ вида его значенія кореннаго и считать его позднѣйшимъ развитіемъ изъ древнѣйшаго *ѣ*. Говоря о господствѣ *и* вмѣсто стар. Слав. *ѣ*, нельзя не замѣтить особенной любви Малороссіянъ къ этому звуку и въ-замѣнъ посредствомъ него другихъ гласныхъ, какъ: *а, е* и *у*. Довольно много есть словъ, гдѣ, какъ въ словахъ: *крій, гидкій, рій* (вм. *край, гадкій, рай*) или *огирокъ, за мижъ* (*огурецъ, за мужъ*), *и* смѣнило *а* и *у*, и еще больше случаевъ перехода *е* въ *и*, какъ: *пиро, слизно, мижду, вивъ* и т. под. Такое явленіе есть дѣло уже позднѣйшаго развитія языка, охватившее далеко не всю массу словъ и далеко не всѣ мѣстности, какъ это случалось съ *и* = *ѣ*. Такъ и должно быть, если мы обратимъ вниманіе съ одной стороны на *переходъ* кореннаго звука въ другой, съ другой — на *удержаніе* кореннаго звука (*и*). Второе отличіе у Шафарика есть переходъ *о* въ *и;* хотя Шафарикъ и не опредѣлилъ качества переходнаго *о*, но, судя по слѣдующему его отличію: *о* безъ ударенія остается неизмѣннымъ, слѣдуетъ заключить, что въ первомъ случаѣ онъ разумѣлъ *о* съ удареніемъ. Однако, и въ томъ и другомъ случаѣ, правило далеко не оправдывается употребленіемъ, и звуки, относительно которыхъ высказано это правило, представ-

ляютъ вопросъ совершенно еще нерѣшенный. Въ самомъ дѣлѣ рядомъ съ переходомъ *о* съ удареніемъ въ *и*, Малорос. нарѣчіе заключаетъ въ себѣ множество словъ, въ которыхъ, при всей очевидности ударенія, *о* рѣшительно не допускаетъ перехода; и наоборотъ, немало найдется и такихъ словъ, гдѣ подобный переходъ существуетъ, хотя подъ *о* и нѣтъ ударенія. Такъ Малороссіянинъ говоритъ: *го́дъ*, *го́лубъ*, *го́лый*, *го́минъ*, *до́си дово́ли*, *до́шка*, *до́хлый*, *во́ша*, *безро́гій*, *безмо́зкій*, съ другой стороны: *війна́*, *викно́*, *гвиздо́къ*, *вивці* и т. п. Опредѣлить законъ, гдѣ допускается переходъ и гдѣ нѣтъ ему мѣста въ устахъ Малороссіяеина, едва-ли возможно при рѣзкомъ разнообразіи произношенія при однихъ и тѣхъ-же условіяхъ. Можно развѣ отдѣлить одну часть словъ, выговоръ которыхъ однообразенъ и опирается на твердомъ началѣ первоначальной долготы гласнаго *а*, развившагося въ Рус. языкѣ, въ силу его полногласія, въ два *о*: это *о* на обоихъ мѣстахъ остается неизмѣннымъ, хотя-бы и было на немъ удареніе; отсюда: *боло́то*, *доро́га*, *го́лодъ*, *холо́дъ*, *го́лосъ*, *во́лосъ*, *воро́та* и др., да родит. падежи множ. числа на *овъ—евъ*, которые безъ исключенія произносятся за *ивъ* (родит. пад. на *евъ* отъ словъ на *жь*, *чь*, *шь*, *щь*, которыя въ Великоус. оканчиваются на *ей*). Быть можетъ, сюда-же слѣдуетъ отнести и односложныя слова, въ которыхъ *о* соотвѣтствуетъ глухому древнему *ъ*, какъ *лобъ* (= *лъбъ*), *вонъ* (= *вънъ*), гдѣ *о* не терпитъ обращенія въ *и;* но, наравнѣ съ такими словами, не допускаютъ *и* и слова, въ которыхъ *о* совсѣмъ другаго происхожденія, какъ: *зобъ*, *воръ*, хотя Малороссіянинъ всегда произноситъ: *бикъ*, *дрикъ* и т. п. Не имѣя возможности, при столь разнообразномъ характерѣ звука *о*, опредѣлить точный и общій законъ его перехода въ *и*, должно однакожь замѣтить, что этотъ переходъ находится въ тѣсной связи не столько съ удареніемъ, сколько, вѣроятно, съ утраченною уже долготою и краткостію звуковъ гласныхъ. Намекъ на это дѣлаютъ косвенные падежи: при томъ-же удареніи въ именител. и родительн. съ слѣдующими падежами косвенными, *о*, измѣненное въ *и* въ

первомъ, удерживается во второмъ и далѣе; такъ, *дрікъ* род. *дроку*, *діль—долу;* только тогда *и* остается неизмѣняемымъ во всѣхъ падежахъ, когда и въ именительномъ нѣтъ подъ нимъ ударенія: *вивц*, *вивці*, *вивцею*. Впрочемъ, принимая въ соображеніе мѣстные говоры народные, слѣдуетъ замѣтить, что переходъ *о* въ *и* находится въ порѣ продолжающагося еще развитія и далеко не установившагося; не мало есть мѣстностей въ южной Россіи, гдѣ, подобно уѣзду Овручскому, является господствующимъ *о;* тоже замѣчается и у Русиновъ Карпатскихъ, въ Венгріи и др. мѣстахъ, вслѣдствіе чего Вагилевичъ и удержалъ въ грамматикѣ своей правописаніе *о* вм. *и*—że ta głoska jeszcze zupełnie się nie wyrobiła na jej odpowiedną, szczególnie w Węgrzech i w Siewierszczyznie (стр. XXII). Какъ свойство, такимъ образомъ, еще не вполнѣ развившееся, быть можетъ, потому самому оно и представляетъ такъ много неопредѣленности и, повидимому, произвола въ глазахъ языковѣдца, отыскивающаго для каждаго явленія въ языкѣ опредѣленный законъ; между-тѣмъ этотъ законъ легко обнаружится самъ собою, когда самое явленіе достигнетъ полной зрѣлости и совершенно окрѣпнетъ, подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ великой Россіи замѣна всякаго *о*, безъ ударенія, посредствомъ *у*. Замѣна *о* предствомъ *у*, какъ весьма обычная въ языкѣ Славянскомъ, оправдываемая и самымъ происхожденіемъ *о* изъ первоначальнаго *у* (—ау), невольно заставляетъ остановиться на разбираемой особенности Малорос. нарѣчія, столь необыкновенной въ говорѣ Славянъ, и сдѣлать предположеніе, не развился-ли переходъ *о* въ *и* при посредствѣ тогоже *у*. Это предположеніе немало подтверждается и говорами Малор., въ большей части которыхъ дѣйствительно остается господствующимъ *у* вм. *о* (=*и*); весь западъ Малороссіи, включая сюда и Галицію, почти не знаетъ *и* вм. *о*, употребляя *уи*, какъ въ восточной части Черниговской губерніи, по Деснѣ, или *уо* за Днѣпромъ; чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ преобладаніе *и* становится очевиднѣе и наконецъ исключительнымъ, какъ

въ губерніяхъ Полтавской и Харьковской. Изъ этого *у* вм. *о*, развившагося въ двоегласный звукъ *уи* (произносимый чрезвычайно пріятно какъ краткое *ы*), *уо*, на западѣ, могло родиться на востокѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ запада, согласно съ законами языка Славянскаго (срв. студъ — стыдъ, духъ — дыханіе и др.) *ы*, которое, въ свою очередь, какъ всюду, такъ и въ этихъ случаяхъ смѣшалось въ говорѣ Малороссіянъ съ *и*. Что касается до терпимости Малороссіянъ перехода *о* въ *у*, то примѣровъ для этого находится множество; огромное количество словъ, подобно нарѣчіямъ Болгарскому и Хорватскому, измѣняетъ *о* безъ ударенія въ *у* и въ Малорос. нарѣчіи: *туполя*, *бояре*, *тупоръ*, *туска*, *ворушйть*, *ворухнуть* и т. д.; посредство-же звука *ы*, при переходѣ *о* въ *и*, доказывается отчасти слѣдующимъ примѣромъ межевой записи 1424 года (Русалка Днѣпр., 1837, стр. 721): а имають пана юрковьскаго люди изь слострова ись юшковець имають *дрыва* роубати, гдѣ *ы*, въ словѣ *дрыва*, равняется позднѣйшему *и*, и еще болѣе современнымъ Украинскимъ произношеніемъ, въ которомъ донынѣ слышится *ы* вмѣсто *о*, отличное отъ *и* и называемое г. Максимовичемъ мягкое *ы* (Истор. Рус. словесн. кн. 1, 1839, стр. 115, прим. 8), какъ: *чернобрывыи дыброва* и др. Какъ-бы то ни было, справедливо или нѣтъ мое объясненіе перехода *о* въ *и* въ нарѣчіи Малорос. но оно, вытекая изъ говоровъ народныхъ и изъ нерѣдкой замѣны *о* посредствомъ *у*, гораздо согласнѣе съ звуковыми измѣненіями языка Славянскаго, чѣмъ необыкновенный въ послѣднемъ непосредственный переходъ *о* въ *и*. Въ слѣдствіе-же естественности такого постепеннаго перехода *о* въ *и*, черезъ *у* и *ы*, я никакъ не могу согласиться и съ мнѣніемъ г. Максимовича (тамъ-же, стр. 116), будто эта особенность Малорусскаго нарѣчія заимствовано съ запада, *и именно съ поморья Заонежскаго:* я не вижу рѣшительно основанія не считать ее и въ Малорус. нарѣчіи столь-же самостоятельною и самобытною, какъ и въ послѣдней мѣстности. Замѣчу, въ заключеніе, что превращеніе Малорусскимъ нарѣчіемъ *о* въ *и* во

многомъ сходно съ переходомъ **о** въ **у** въ Польскомъ». Во всякомъ случаѣ, опредѣленіе втораго и третьяго отличій нарѣч. Малорос., предложенное Шафарикомъ, далеко не точно и не полно, даже и не совсѣмъ справедливо.—Въ четвертомъ отличіи Шафарика говорится о потерѣ Малоруссами широкаго *ы* и о смѣшеніи его съ *и* такъ, что изъ обоихъ звуковъ образовался одинъ средній, равный звуку *и* другихъ нарѣчій, также потерявшихъ *ы*, напр. Сербскаго или Хорватскаго. Замѣчаніе это, при всей справедливости своей, требуетъ однакожь пополненія. Дѣйствительно, въ Млр. нарѣчіи смѣшеніе обоихъ звуковъ очевидно; при всемъ томъ и здѣсь не отличить различное произношеніе *ы* съ согласными гортанными (*г*, *к*, *х*), гораздо болѣе приближающееся къ *ы* Великорусскому. Хотя, внимательно прислушиваясь къ сочетанію *г*, *к*, *х* съ *и*, мы и далеки отъ того, чтобы видѣть въ этомъ *и* совершенно твердое *ы* (срв. програм. Метлинск. стд. 32), все-таки должны сказать, что гортанные произносятся гораздо тверже и тѣмъ какъ-будто напоминаютъ о древнемъ своемъ характерѣ соединяться только съ *ы* и никогда съ *и*. Доказательствомъ того, что этотъ древній характеръ, въ полнотѣ своей, исчезъ въ нар. Млр., служатъ тѣ случаи, гдѣ *г*, *к*, *х* соединяются или съ кореннымъ *и*, или съ образовавшимся изъ *о* и гдѣ произносятся они также мягко, какъ и въ нар. Влр.: *кинь*, *гисть*, *хиба*. Говоря о звукѣ *ы*, нельзя опустить изъ вида и замѣчательной замѣны этого звука въ Млр. нарѣчіи, сравнительно съ Влр., посредствомъ *у*. Объ этой замѣнѣ слѣдуетъ сказать то-же самое, что сказано нами объ *и* вм. *ѣ*. Не *ы* смѣнилось посредствомъ *у*, а *у* осталось, хотя и въ немногихъ словахъ, отъ первобытныхъ временъ, не допустивши развитія въ *ы*, принятаго всѣми нарѣчіями Славянскими, не исключая, въ большей части случаевъ, и нар. Млр. Это особенно относится къ глаголу *бути* (= *быть*) со всѣми его сложными и производными: *забути*, *добути* и др. Звукъ *у* (— *ю*) остается неизмѣннымъ въ Млр. нарѣчіи и при образованіи глаголовъ на *овати* (— *евати*), изъ первоначальныхъ на

ути (— *юти*): *купуваты*, *хозяинуваты*, *зимуваты*, *ночуваты*, *кувашы*, *носилуваты*, *наплюваты* и т. д. Какъ единственный случай перехода *а* въ *у* составляетъ слово *мочула*.

Кромѣ указанныхъ свойствъ нар. Млр. въ звукахъ гласныхъ, есть немало и другихъ, столь-же характеристическихъ и столь-же общихъ. Упомянемъ и о нихъ. Гласные носовые нар. ст.-Славянскаго исчезли въ Млр., какъ и въ Влр., хотя въ замѣнѣ своей гласными чистыми или гласными съ согласными носовыми и представляютъ немало отличія отъ послѣдняго. ст.-Слав ж, подобно Влр., обратилось въ *у*, но не такъ исключительно: существительное *диброва* съ производнымъ *дибривонька*, а сложное *за миж* (=*за мжжь*) указываютъ на родство ж съ *и*; какъ въ Сербск. словѣ *дибоки* вм. ст.-Слав. *глжбокыи*; слова же *трынбачь* (въ пѣсняхъ) и *бондарь* едва-ли не принадлежатъ къ числу рѣдчайшихъ остатковъ носовыхъ звуковъ въ Млр. нарѣчіи по сіе время. Первое изъ этихъ двухъ словъ еще можетъ приводить въ сомнѣніе, не взято-ли оно изъ Польскаго trąbacz, подобно словамъ: *блакитный* (= błękitny), *берлинъ* (въ значеніи кареты), *блейвасъ* (свинцовыя бѣлилы съ нѣмец.), *лигуваты* (взять на привязь, привязать) и мн. др.; но слово *бондарь* не существуетъ въ языкѣ Польскомъ; а между тѣмъ, по происхожденію своему, вмѣстѣ съ существительнымъ *бунтъ* и съ словами безъ носоваго звука: *буды*, *будка*, *будовать*, будучи Славянскимъ искони, должно имѣть и носовой звукъ. Корень слова *бондарь* родственъ съ Санскр. банд̔, въ значеніи вязать, связывать, откуда существит. *банд̔а* — связь, узелъ, оковы, *банд̔у* — родственникъ, какъ Слав. *ужикъ* (отъ *узъ*, — *связь*); отсюда въ языкѣ Славян. образовались, съ окончаніемъ муж. борода *арь*, *бондарь* — тотъ, кто связываетъ обручами бочку, бочаръ; въ губерніи Рязанской и Тамбовской *бондырь*, въ томъ-же значеніи; отсюда-же Млр. и Влр. *бунтъ*: въ Малороссіи *бунтъ* означаетъ связку нитокъ бисеру, въ восточной Сибири —связку въ 20 штукъ (—въ бунты вяжутъ бѣлку), или просто связку, какъ въ Акт. истор.: 52 бунта сафьяновъ по 3 рубля

съ полтиной (V, № 31, стр. 46; срав. тамъ-же IV, ст. 528); *бунтить* въ губерніи Пензинской — укладывать товаръ въ связки. Какъ на остатокъ носоваго звука въ нар. Млр. должно смотрѣть и на слово *бренькаты* = брячать, — гдѣ *ен* = ст. Слав. ѧ. Вообще-же этотъ носовой звукъ въ Млр. нар., въ корняхъ словъ, или разложился въ однихъ мѣстностяхъ въ *ьн*, какъ въ формахъ глагольныхъ отъ неопредѣленнаго на ѧ *ти* (жѧти — жьну, начѧти — начьну), или въ другихъ измѣнился въ *ъя: времня, имня, мнясо, мнята....*, или: *спомъянуты, мъята, въязаты, пъята, упъять, мъяки, имъя;* измѣненіе ѧ-са въ *ня* встрѣчается и у Подгалянъ Польскихъ въ винит. пад. мѣстоимѣнія перваго лица: mnię и mnie (kiedy mnię rada masz, poprzedzaj s koniczki; moja matusiczko nie bij mnie w niedzelę. См. Zejszner, Pieśni ludu Podhalan. Warszawa, 1845, стр. 153 и др.). Форма прилагательнаго *камъяный* указываетъ на производство отъ первоначальнаго *камѧ = камы*, а не отъ *камень*, отъ котораго должно быть *каменый* или *каминый*, что и слышно въ нѣкоторыхъ говорахъ Малорусскихъ. На переходъ ѧ-са въ *е* могутъ указывать выраженія: *два сыны оре, четыри молоте*, если только *оре* и *молоте* не единственное число. Глухіе гласные звуки, какъ и въ Влр. нарѣчіи, измѣнились въ чистые: одинъ (ъ) въ *о*, иногда чрезъ *о* въ *и*, другой (ь) — въ *е*, или чрезъ него тоже въ *и*. При этомъ считаю не неважнымъ упомянуть объ одной замѣчательной особенности нарѣчія Млр., хотя касающейся и незначительной массы словъ, тѣмъ не менѣе указывающей довольно наглядно отличную нѣсколько замѣною глухаго древняго звука отъ обыкновенной его замѣны на гласность древнихъ ъ и ь. Я имѣю въ виду приставку въ началѣ словъ передъ первою согласною, за которою долженъ слѣдовать ъ или ь, въ древнемъ ихъ значеніи, звука *и*; сюда принадлежатъ: *иржа, иржаты, ирваты, ильняный, имла* (=*мьгла*, Срб. *магла*), *имжыть, ильва, ишелъ* (= ишьлъ). Конечно, въ настоящее время это *и* уже отвердѣло, сдѣлалось совершенно чистымъ гласнымъ; но, нѣтъ сомнѣнія, что въ древнюю пору оно имѣло

то-же значеніе, тотъ-же звукъ, какой произноситъ и теперь Сербъ передъ *р*, за которымъ слѣдовалъ въ древнюю пору ъ и который сохранилъ еще свою гласность: это совершенно неопредѣленный звукъ, подобный нѣсколько краткому ы (ы̆), изображенный въ лексиконѣ Караджича особымъ значкомъ надъ *р*, въ видѣ ударснія (р̑ срв. р̑ђа, р̑вати и др.). Какъ на бо́льшую близость къ глухому звуку должно, кажется, смотрѣть и на замѣну ъ въ нѣкоторыхъ словахъ посредствомъ *ы*, какъ: *дрыва*, *лыжка*. Правописаніе а вмѣстѣ, конечно, и произношеніе *дрыва* (=дръва=дрова) идетъ еще съ начала XV вѣка, сколько видно изъ межевой Галицко-Русской записи, составленной въ 1424 году (см. Русалка Днѣстровая, 1837, стр. 121): «а имаютъ пана Юрковьскаго людї изъ острова и сь юшковець имають *дрыва* роубати». Какъ особенность сравнительно съ Великорус. нарѣчіемъ представляетъ и звукъ *е*, образовавшійся, при словопроизводствѣ и флексіяхъ, изъ *ь* и произносимый Малороссіяниномъ какъ *ьо* (= јо, = областному Влр. јёго, јёму), такъ: синього, синьому, шпильочокъ и др.

б) *Звуки согласные.* Въ числѣ отличительныхъ чертъ въ звукахъ согласныхъ нарѣчія Млр. Шафарикомъ отмѣчены слѣдующія: *в* вм. *у*; *г* (=h) вм. *ґ* (= g); *к* вм. *ц* въ словѣ *квитка*; *хв* вм. *ф*; *в* вм. *лъ*; *ц*, *с*, *з* вм. *г*, *х*, *к* передъ *и* (=ѣ), а *ж* и *ч* вм. *г* и *к* въ повелительномъ наклоненіи; приставные *и* и *в*, первое передъ *къ* (икъ), послѣднее передъ *и* (=*о*) и *у*; окончаніе женское *ця* вм. *ца*; *цьця* вм. *ться* въ неопредѣл. наклоненіи. Не останавливаясь на этихъ отличіяхъ, какъ на дѣйствительно господствующихъ въ нарѣчіи Млр. и при томъ повторяемыхъ, съ большимъ или меньшимъ количествомъ примѣровъ, въ различныхъ сочиненіяхъ, постараемся указать на черты, не менѣе иногда развитыя въ этомъ нарѣчіи и не менѣе важныя для характеристики его, равно и для опредѣленія ему мѣста въ кругу нарѣчій Славянскихъ. Между такими-то чертами замѣчательно, сравнительно съ Влр. нарѣчіемъ и съ другими Славянскими: а) мѣна звучныхъ и отзвучныхъ, гортанныхъ и соотвѣтствую-

щихъ имъ шипящихъ и свистящихъ, а также свистящихъ и шипящихъ между собою. Примѣровъ для всѣхъ этихъ явленій очень много, — я ограничусь нѣсколькими. Такъ звукъ *г* замѣняется посредствомъ *к*: *брязкати*, *брызка*, *доторкати*, *луска*, и посредствомъ *х*, какъ въ словѣ *хрихъ* (=грѣхъ); наоборотъ: *гила* вм. *кила*, *заклопотаты* вм. *захлопотати*. Къ замѣнѣ обоюдной звучныхъ и отзвучныхъ принадлежатъ: *бджола*, *баша* (= паша̀), *сгабувать* (= схапывать), *дощовый*, *обашна*, *штыти* (= чтить). Не слабѣе стремленіе въ народѣ переходить отъ одного органа звуковъ въ другой, но всегда соотвѣтствующій; такъ гортанные замѣняютъ шипящіе или свистящіе: *страхаты*, *допрахуваты*, *сукаты* (= сучити), *керез*, *забренькаты*, *заскреготаты*, *жахаты*; въ свою очередь и послѣдніе замѣняютъ нерѣдко гортанные звуки: *закружлюваты*, *закошлатиты* (— кохлатый). Тоже происходитъ и между шипящими и свистящими: *ш* вм. *с*, и обратно: *с* вм. *ш*: *дошка*, *загасюваты*; сюда-же и *дражниты* вм. дразнить, *з бра* вм. жабра, *зялизо* вм. желѣзо. Мѣна шипящихъ на свистящіе съ особенною силою развита у мѣщанъ въ Галиціи, что считается за деликатный выговоръ (срв. грам. Вагилев. стр. XXII). Взаимная мѣна *ч* и *ц* не распространена въ Млр. нарѣчіи и для примѣра существованія ея я могу привести только два слова: *мицно* (мочно) и *одчепыцьця* (отцѣпиться). Между всѣми этими особенностями, подтверждающими еще болѣе сродство звуковъ гортанныхъ, шипящихъ и свистящихъ въ корняхъ словъ, сродство, столь очевидное въ каждомъ нарѣчіи въ словообразованіи и въ формахъ этимологическихъ, преимущественное останавливаетъ на себѣ вниманіе замѣна *г* посредствомъ *к*, замѣна сильнѣе всѣхъ остальныхъ распространенная въ нарѣчіи Млр. Выходя изъ того положенія, которое можетъ быть выведено изъ только-что приведенныхъ примѣровъ, что звуки одного органа допускаютъ только замѣну обоюдную звучныхъ и отзвучныхъ, и что отзвучному *к* соотвѣтствуетъ звучное *г*, несуществующее въ современномъ говорѣ Малороссіянъ, слѣдуетъ, думаю, заключить

изъ множества примѣровъ замѣны *г* посредствомъ *к* о существовании нѣкогда и въ Млр. нарѣчіи звука *г*, равносильнаго Великорусскому или Польскому. Иначе, при мысли объ исконномъ господствѣ у южныхъ Руссовъ одного *г* (= h), трудно объяснить подобную непослѣдовательность въ замѣнѣ, тѣмъ-болѣе, когда есть примѣры замѣны *г*, какъ звучной согласной, посредствомъ *х*, какъ ея отзвучной, напр. въ словѣ *хрихъ*. Отсюда-же слѣдуетъ сдѣлать и другое заключеніе, что переходъ *г* въ *к* совершился или во время жизни еще перваго въ устахъ народа, или въ пору его ослабленія и изгнанія развившимся исключительно *г*; этою замѣною народъ оставилъ, хотя и безсознательно, воспоминаніе о прежней его жизни. Подобнымъ-же слѣдомъ или воспоминаніемъ господствовавшаго нѣкогда *г* служитъ и особое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Россіи произношеніе его, изображаемое обыкновенно на письмѣ двумя знаками *х г*, гдѣ родственный отзвукъ является какъ-бы вознагражденіемъ потери звучной согласной. б. Мѣна губныхъ звуковъ. Такъ *б* замѣняется посредствомъ *м*: *млинець* (блинъ), *м* посредствомъ *п*: *пантрує*, при чемъ и звучное *д* перешло въ отзвукъ *т* (срв. wędrować); чуждый звукъ *ф* замѣняется посредствомъ *п*: *прапцузъ*, *каптанъ*, *трапиты*. Впрочемъ, это явленіе есть обще-Славянское и не можетъ служить отличительною чертою Млр. нарѣчія; въ различныхъ говорахъ Влр. взаимный переходъ губныхъ встрѣчается еще чаще и касается всѣхъ звуковъ этого органа. Но нарѣчіе Млр. относительно губныхъ звуковъ обнаруживаетъ съ другой стороны если не отдѣльность отъ Влр. нарѣчія, то гораздо большую распространенность, именно со стороны смягченія ихъ посредствомъ *л*: любовью къ этому смягченію Млр. нарѣчіе превзошло всѣ остальныя, не исключая и стар.-Славянскаго. Такъ въ глаголахъ въ 3-мъ лицѣ множ. числа, съ губнымъ звукомъ передъ окончаніемъ *ять*, не допускаемое смягченіе другими нарѣчіями — необходимо для Млр., отсюда *рыплять*, *сплять*, *скрыплять*, *люблять*, *убавлять*, *шумлять*; Малороссіянинъ перенесъ даже

смягченіе черезъ *л* и на звукъ *ж*: *кружляютъ* (= кружаютъ). в. Звукъ *д* въ своемъ смягченіи, отдѣляясь въ глаголахъ отъ Влр. нарѣчія, представляетъ весьма замѣчательную особенность, сближающую нарѣчіе Млр. съ юго-Славянскимъ Сербскимъ. Подобно послѣднему, и первое обращаетъ *д* въ *дж*, хотя и не успѣвшее еще развиться въ одинъ сложный звукъ, какъ Сербское ђ. Такъ: *пробуджать*, *изряджаты*, *проходжаты*, *выслуджуваты*, *заблуджуваты* и т. п. Эта близость къ Сербскому идетъ и далѣе, на мѣстные говоры. Какъ въ немъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохраняется еще непосредственно смягчаемое *д*, такъ и въ южной Россіи, въ говорѣ Харьковскомъ и въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ, господствуетъ *дю*, вм. обыкновеннаго *дж*: *родю*, *йиздю*, *залагодюваты*, *высадюваты*, *выплодюваты* и т. д. Это свойство указанныхъ говоровъ удерживать вмѣсто шипящаго коренной звукъ, изъ котораго образовался первый, замѣтно и въ звукѣ *ст*, вмѣсто обыкновеннаго *щ*: *выхалащуваты*—*выхаластюваты*, *выхрещуваты*—*выхрестюваты*. Во вставкѣ звука *д* между *з* и *р*, хотя и въ одномъ только, сколько мнѣ извѣстно, словѣ *здрѣти*, съ его производными и сходными, сохранилось и древнѣйшее свойство языка стар.-Славянскаго, встрѣчаемое въ первыхъ памятникахъ его письменности (срв. напр. раздрѣшеник, раздроушеник и мн. др.). Великорусское нарѣчіе не забыло сего свойства также, перенесши только его къ отзвучной *с*, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнивши и самое *д*, согласно съ закономъ звукосочетанія, въ отзвукъ его *т*; отсюда: *страмъ*, *страженіе* и др. слова, непризнанныя съ этою формою въ языкѣ литературномъ, но живущія въ устахъ народа. На *д* передъ *л*, въ глаголѣ *высвердлюваты* и въ существ. *свердло*, должно смотрѣть, какъ на явленіе обратное только-что приведенному: здѣсь звучное *д* смѣнило передъ *л* коренное отзвучное *т* (вертѣть); *свердло* вм. современнаго *сверлило* употреблялось и въ стар.-Русскомъ языкѣ: да ему-же Семейкѣ дано въ запасъ полпуда зелья ручнаго, полпуда свинцу, да тесла, да два *свердла*, напарья, оборотня.... (Допол. къ Акт.

ист. II, стр. 163). При этомъ не могу не сдѣлать сближенія вставки *д* передъ *л*, въ западныхъ Слав. нарѣчіяхъ, съ вставкою его между *з* и *р*. Въ послѣднемъ случаѣ появленіе *д* едва ли не обусловливается преимущественно звукомъ *р*, мало, а быть можетъ и вовсе не завися отъ *з*, на что указываетъ и народное Великорусское *ндравъ*, гдѣ, подобно Греческ. ἀνδρός, ἄνδρα и т. д., *д* явилось независимо отъ *з*; родство-же между *р* и *л* открывается не только въ каждомъ отдѣльно взятомъ нарѣчіи Славянскомъ, но и при сравненіи всѣхъ нарѣчій другъ съ другомъ и даже далѣе, при сравненіи языковъ отрасли Индо-Европейской. Такъ и въ нарѣчіи Млр. нерѣдка взаимная мѣна *р* и *л*: *талирка*, вм. *тарелка*, *тарель*, вм. *талеръ*, *колоривна*, вм. *королівна* и т. п. Отсюда *д*, удержанное въ стар.-Слав. нарѣчіи, отчасти въ Млр. и Великорусскомъ (въ отзвукѣ *т*) передъ *р*, могло удержаться и развиться до общности передъ *л* въ нарѣчіяхъ западныхъ, какъ въ Польскомъ, Чешскомъ, Лужицкомъ. Какъ не неважное свойство нарѣчія Млр. относительно звука *д* есть приставка его, въ началѣ словъ, передъ звуками *з* и *ж*: въ первомъ случаѣ явленіе это отчасти извѣстно и Польскому нарѣчію, присоединеніе-же *д* къ *ж* есть исключительная принадлежность нарѣчія Млр.: *дзвинъ*, *дзеркало*, *дзерно*, *дзюрчаты*, *джерело*, *джгутъ*, *дживоронокъ*, *джукъ* и др. — г. Въ нарѣчіи Млр., какъ и во всякомъ другомъ, есть и согласныя приставныя въ началѣ словъ передъ гласными. Между ними чаще всѣхъ встрѣчаются: *й*, *в*, *г*; *јушка*, *јанголъ*, *јулоньна*, *вутка*, *вичи*, *воградa*, *вулыця*, *годинъ*, *гострый*, *госока*; въ словѣ *рыстю* является вставнымъ, и при-томъ въ серединѣ слова, звукъ *т*. Наоборотъ, нарѣчіе Млр. представляетъ случаи и опущенія впереди слова какъ гласнаго, такъ и согласнаго звука; вм. *иголка—голка*, вм. *имати—мати*; вм. *возьми—озьми*; въ словѣ *перснечокъ* выпало *т*. Кромѣ опущенія гласной *и* въ приведенныхъ словахъ, опускаются и др. гласныя, какъ въ рѣчи народной, такъ и въ пѣсенныхъ стихахъ, гдѣ такое опущеніе, быть можетъ, обусловливается отчасти размѣромъ стихотворнымъ, и всегда въ обо-

ихъ случаяхъ зависитъ отъ сліянія двухъ гласныхъ. При этомъ обыкновенно опускается начальная гласная слова, передъ которымъ другое слово оканчивается на гласную. Это больше всего замѣтно въ опущеніи гласнаго *о* въ предлогѣ *отъ* (=*одъ*): *дверей не дчинила, за Степана ддаты, мене тдайте, нема мени одраданьки ни д отця ни д неньки* и т. д., или въ словѣ *одинъ: ой такы мы в пари будем одно дного любить будем; взялы дного; за дын вечир;* или — *на ковыту горилку.* Потому-же самому опускается и *и* въ глаголѣ *скаты: а у ради присудили татаренка скаты;* или *е: а ще тяжче....* д. Перестановка звуковъ въ Млр. нарѣчіи развита преимущественно при *р*, что принадлежитъ и другимъ нарѣчіямъ Славянскимъ, что не рѣдко встрѣчается и въ другихъ языкахъ родственныхъ. — Въ силу этой подвижности *р* Малороссіянинъ говоритъ: *кирныця* (= криница), *вырынае* (выныряе), *зихратый* (= зиркатый, срв. зоркій), *семрага* (сермяга); тоже при звукахъ *м* и *н: намисто, ведмидь, намастиръ;* сюда-же: *закасуваты* (засуковаты), *капость* (пакость), *колопни* (конопли), *шевлія* (шелвія=шалфей). Въ видѣ общаго замѣчанія о звукахъ нарѣчія Малорусскаго, слѣдуетъ упомянуть относительно гласныхъ звуковъ: а) о полногласіи, разумѣя подъ нимъ замѣну ст. Слав. *а* или *ѣ*, при *р* и *л*, посредствомъ двухъ *о:* это полногласіе распространено едва-ли не на бо̀льшую массу словъ, чѣмъ въ народномъ Великор. нарѣчіи; б) о прочности *ы* и *и* въ корняхъ словъ, не допускающихъ перехода въ *о*, *е*, *ь*, подобно Влр. нарѣчію; эта прочность упомянутыхъ звуковъ обнаруживается какъ въ склоненіи и спряженіи, такъ и въ словообразованіи: *мыю, шію, шія, помыи, добрый* и т. п. Относительно звуковъ согласныхъ должно замѣтить сохраненіе кореннаго звучнаго звука въ окончаніяхъ словъ, обыкновенно обращаемаго въ языкѣ Великороссіянъ въ соотвѣтствующій ему отзвукъ: *ридъ* (а не *ротъ—рода*), *бобъ* (а не *бопъ*), *богъ* (а не *бохъ*), *козакивъ* (а не козакофъ); то-же самое и съ *ж* (и не *ш*), съ *з* (а не *с*).

2) *Словообразованіе.* Словообразованіе вовсе оставлено было

безъ вниманія занимавшимися изслѣдованіемъ нарѣчія Малор., какъ-будто въ немъ повторяется лишь то, что съ одинаковымъ значеніемъ составляетъ принадлежность и другихъ родственныхъ нарѣчій. Между-тѣмъ и этотъ отдѣлъ представляетъ не мало чертъ, придающихъ особую личность нарѣчію Малорусскому, часто отдѣляя его отъ многихъ нарѣчій, какъ особенное, иногда даже отъ всѣхъ. Признавая подобное значеніе словообразованія, я не могу, хотя далеко не во всей полнотѣ, не коснуться и этого вопроса и не указать на преимущественно выдающіяся особенности въ немъ нарѣчія Малорусскаго.

а) Въ именахъ существительныхъ поражаетъ болѣе всего чужеродца развитость, подвижность, особенная мягкость и нѣжность Млр. нарѣчія при образованіи родовыхъ именъ личныхъ, именъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ. Родовыя личныя имена, сдѣлавшіяся фамиліями, охватываютъ одними окончаніями и отца, и дѣда, нерѣдко и прадѣда. Основное окончаніе при этомъ есть *енко*, которое, по сравненію съ значительною массою названій вообще животныхъ, выражаетъ молодое поколѣніе, происхожденіе отъ того, кому придается упомянутое окончаніе. Отсюда. по примѣру *утенокъ*, *соколенокъ* и под., нарѣчіе Млр. образовало: *Петренко*, *Никитенко*, *Яковенко*, какъ дѣти Петра, Никиты, Якова; дѣти этихъ дѣтей, или внуки отцовъ послѣднихъ, сохраняя происхожденіе отъ своего предка, для своей фамиліи придаютъ къ фамиліи отцовъ тоже окончаніе *енко*, при чемъ *к*, въ окончаніи фамиліи отца, по закону звукосочетанія, измѣняется передъ *е* въ *ч*; отсюда: *Петренченко*, *Никитенченко*, *Яковенченко*; подобнымъ-же образомъ составляются фамиліи, хотя и рѣже уже встрѣчающіяся, чѣмъ первыя и вторыя, и для правнуковъ, какъ: *Петрыченченко*, и др. Нельзя сказать, чтобы это окончаніе совершенно погибло и въ Влр. нарѣчіи, и не сохранилось съ тѣмъ-же кореннымъ значеніемъ *происхожденія*, *молодости*, какое удерживается у Малороссіянъ. Различіе состоитъ только въ томъ, что у Великороссіянъ необратилось оно въ фамильное окончаніе и не ограничено одними

личными именами. Оно уцѣлѣло, во-первыхъ, въ названіяхъ тѣхъ рѣчекъ, которыя носятъ одинаковое имя съ рѣками, ихъ принимающими, и которыя по тому самому разсматриваются, какъ меньшія, младшія; такъ: *Холохоленка* и *Холохольна*, *Карасенка* и *Карась* и др. (срв. Собр. гос. гр. I, стр. 369, 374); во-вторыхъ, въ уменьшительныхъ названіяхъ лицъ, сдѣлавшихся потомъ унизительными, такъ часто встрѣчающимися въ письменности древней Русской; примѣровъ, какъ: *посланъ я былъ приказнымъ человѣченкомъ* (Доп. къ акт. ист. IV, № 10) — очень много. Коренное значеніе и здѣсь есть молодость, за которою всегда остается незрѣлость, неопытность, вслѣдствіе чего какъ *молодость* принималась нерѣдко даже въ дѣлахъ правительственныхъ за слабость, бѣдность, такъ и окончаніе *енко* (— *енка*), выражающее эту молодость, стало употребляться, наравнѣ съ окончаніемъ *ишко*, въ смыслѣ униженія, рабства. Дѣйствительность такого значенія молодости открывается въ древнемъ дѣленіи *людей* на *лутчихъ*, *середнихъ* и *молодчихъ*, при-чемъ основаніемъ дѣленія служило состояніе, богатство (срв. Акт. ист. II, № 329)—Значеніе низости послѣдняго класса, сравнительно съ двумя первыми, видно ясно изъ сравнительной платы за безчестіе: лутчіе люди получали втрое больше молодчихъ, средніе— вдвое (срв. Акт. ист. III, стр. 118). Съ этимъ дѣленіемъ вполнѣ согласовалось и дѣленіе земли на добрую, середнюю и худую (тамъ-же, № 103, стр. 142), и самого хлѣба: выдѣляти на насъ (царя) изъ ихъ пахоты изъ *доброго* хлѣба четвертой снопъ, а изъ *середнего* хлѣба пятой снопъ, а изъ *худого* хлѣба шестой снопъ (тамъ-же, № 109, стр. 160). Такимъ образомъ, сословію *молодчихъ* въ первомъ дѣленіи прямо соотвѣтствуетъ *худой* (= *бѣдной*) въ дѣленіи земли и хлѣба, какъ главныхъ источниковъ въ древности богатства народа Русскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ и окончаніе *енокъ—енка*, сохраняя еще значеніе молодости, малости, какъ: *бабёнка*, *ручёнка*, стало выражать и худость, бѣдность, слабость: *мужичёнко*, *лошадёнка* и.т. п. Говоря о томъ, что окончаніе *енко* было, остается и теперь въ жизни

языка Великорусскаго съ тѣмъ-же кореннымъ значеніемъ, какое развито въ нарѣчіи Малор. при образованіи фамилій, слѣдуетъ замѣтить, что и обычай припоминать въ полномъ своемъ названіи предковъ далѣе отца, дѣда и даже прадѣда, также былъ въ ходу у Великороссіянъ, хотя и выражался иначе, уже не окончаніемъ, а цѣльными именами, и хотя исчезъ въ настоящее время (см. О языкѣ сѣвер. Рус. лѣт. стр. 106). Подобное стремленіе народа удерживать съ своимъ именемъ или фамиліею имена отдаленныхъ предковъ можетъ служить очевиднѣйшимъ свидѣтельствомъ крѣпости родственныхъ, пожалуй-хоть и родовыхъ, отношеній народа Русскаго, потерянной у другихъ народовъ вмѣстѣ съ распаденіемъ послѣднихъ. Не менѣе развита и любовь Малор. народа къ уменьшительнымъ именамъ, нерѣдко съ оттѣнкомъ особенной ласки и нѣжности. Кромѣ окончаній, господствующихъ въ подобномъ образованіи и въ говорѣ Влр., преимущественно распространены въ Млр. нарѣчіи, окончанія: *нька — нько, чок—чка—чко* и, въ словахъ женскаго рода, *сенька;* такъ: *могилонька, короливонька, зиронька, слизонька, родонька = роженька, яворонько, козаченько, пьяниченька, ледащиченька;* множество примѣровъ и для столь-же любимаго втораго уменьшительнаго окончанія: *голубчычокъ, куховарочка, паперыночка, сонечко, денечко, лишечко, сиделечко* и др. Любовь къ этимъ окончаніямъ такъ велика у Малороссіянъ, что они придаютъ ихъ, вмѣстѣ съ *ки*, и къ глаголамъ, образуя такимъ образомъ изъ нихъ существительныя съ глагольнымъ однако-же значеніемъ: *спатки—спатоньки—спаточки, йисткн—йистоньки—йисточки, питки—питоньки—питочки, ходитки — ходитоньки — ходиточки;* изъ этихъ существительныхъ снова образуются глаголы, по-крайней-мѣрѣ въ Галиціи (срв. грам. Василев. стр. 119—120): *спатонькаю, йистонькаю* и др. Что-же кажется до окончанія *сенька* (матусенька), то объ немъ скажемъ при образованіи прилагательныхъ. Имена существительныя, оканчивающіяся въ Влр. нарѣчіи на *ье*, въ Млр. удвоиваютъ согласную передъ *ь* и измѣняютъ конечное *е*

въ *я* или *о: билування, покрывання, гилля, браття* и др. Максимовичъ, въ своемъ «Сборникѣ Украинскихъ пѣсенъ», на стр. 115, относитъ это правило къ согласнымъ звукамъ: *л, н, д, т, з, с, ш;* но оно должно быть распространено и на звуки: *ж* и *ч: клочча, ружжьо.* Окончаніе *ха* является образовательнымъ вообще въ именахъ женскаго рода и въ-особенности для обозначенія женъ по именамъ и фамиліямъ мужей. Такъ: *свекруха, невдаха, Соколиха, Шепиха, Петриха, Петрентыха, Никитенчиха.* Обычай называть женъ по именамъ и фамиліямъ мужей съ окончаніемъ *ха* принадлежалъ въ-старину и Великороссіянамъ, какъ: *Сотиха, Киселиха, Брюханиха* (Акт. ист. II, № 56), употребляется ими и понынѣ, но гораздо слабѣе, чѣмъ у Малороссіянъ, которые не знаютъ въ этомъ случаѣ ни окончанія *ва*, ни окончанія *на*, обычныхъ въ Великой Россіи. Съ окончаніемъ *ха* сливается другое — *на*, и такимъ образомъ составляются существ. женскаго рода на *хна: невихна, матохна, левихна, свекрухна* и т. под. Окончаніе *на* вмѣстѣ съ *ня* образуетъ и отдѣльно существительныя: *дядына, сердыня* и *серденя.* Окончаніе *ка*, употребляясь наравнѣ съ Влр., при образованіи существительныхъ подобныхъ: *губка, чутка* и др., вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ въ Млр. нарѣчіи и особое значеніе при словахъ бранныхъ, неизвѣстное на сѣверѣ: *злюка, падлюка, гадюка;* гораздо рѣже слышно мужеское *къ*, какъ въ словахъ: *чортякъ, крепакъ* (= крѣпостной человѣкъ). Съ окончаніемъ *га* очень близкое другое — *га*, выражающее или свойство вообще, какъ: *кормыга, летяга, татарюга,* или употребляемое наравнѣ съ *ка* при брани: *пьянюга, падлюга, паплюга* (= безстыдникъ). Окончаніе *щи*, равное Влр. *сть*, попадающееся въ памятникахъ ст.-Славянскимъ, какъ *радощи*, въ большомъ ходу до-сихъ-поръ у Малороссіянъ въ словахъ: *жалощи, любощи, радощи, хвастощи, трощи* (= трости); сюда-же отнесемъ и *кущь* вм. *кустъ.* Всѣ существительныя на *щи* употребляются исключительно во множественномъ числѣ. Въ словахъ *братерство* и *купечерство*, встрѣчающихся однажды въ недавно изданныхъ пѣсняхъ Мет-

линскаго, едва-ли не должно видѣть вліяніе Польскаго языка, хотя звукъ *р* въ первомъ словѣ и весьма естественно можетъ объясняться изъ первоначальной формы *братръ*, господствовавшей въ древности у всѣхъ Славянъ, оставшейся и по-сіюпору у Славянъ западныхъ,—едва-ли—говорю на томъ основаніи, что какъ окончаніе *ерство*, такъ и *ерь*, изъ котораго образовалось первое, будучи необыкновенны въ языкѣ Русскомъ, вполнѣ развиты въ Польскомъ. Стоитъ только сравнить Польскія слова: błužnierstwo, szyderstwo, szermerstwo, самое braterstwo и множество другихъ, и съ другой стороны принять въ соображеніе неизвѣстность этой формы въ языкѣ Русскомъ вообще и одинъ только случай въ Млр. нарѣчіи для приведенныхъ двухъ словъ, чтобы рѣшиться сдѣлать предположеніе объ этомъ вліяніи. Малорусское нарѣчіе, подобно говорамъ мѣстнымъ Великорусскимъ, сохранило также не-мало словъ съ краткою формою, удлиненное въ языкѣ литературномъ наростомъ новыхъ окончаній. Такъ Малоруссы говорятъ: *сиво* (посѣвъ), *куна* (= куница), *купъ* (= купанье), *вита* (= вѣтвь), *наруга*, *паша* (= пашня) и др. Одни и тѣ-же слова въ Млр. и Влр. нарѣчіяхъ отличаются въ первомъ особымъ родомъ, сравнительно съ послѣднимъ, что принадлежитъ исключительно существительнымъ на *ь: скатерть — по квитчастому скатертю, пылъ — червоніи черевички пыломъ* (= пылью) *припадутъ; путь* и *звѣрь* женскаго рода: *иды-ж ты у божу путь*, *урадуе ся вся звѣрь у поли.* Въ нѣкоторыхъ словахъ Млр. нарѣчіе допускаетъ другое окончаніе, чѣмъ въ Влр., такъ: *хода* вм. *ходъ*, (*та рыстю-ходою*), *урода* (въ значеніи, противоположномъ Влр., красоты, откуда *уродливый* — красивый, ловкій: ой не дай мене за пьяницю, бо мени *уроды* жаль. Сбор. Макс. стр. 112; чи е такій козакъ на Украини,—як ты у мене, мій сыну, *уродливый.* Тамъ-же стр. 108); *мрака* вм. *мракъ* (и счез стрилоу в густій *мраци.* Русалк. Днѣстр. 1837, стр. 66). Отвергаетъ предлоги въ словахъ, которыя непремѣнно соединены съ ними въ Влр. нарѣчіи, какъ *горо́дъ* (= огоро́дъ), *пахоча* (= запахъ), *стеля*

(= потолокъ). Въ образованіи сложныхъ существительныхъ съ предлогами Млр. нарѣчіе не представляетъ особенностей, кромѣ оставшагося въ употребленіи предлога *па*, весьма рѣдкаго въ нарѣчіи Влр.: *парогъ*, *паростъ*, *паперыночка* и др. Болѣе отличій замѣчается въ сложеніи двухъ словъ въ одно, глагола съ существительнымъ и существительнаго съ существительнымъ: *казидерога* (мѣсяцъ февраль, когда начинаютъ портиться зимнія дороги, срв. Казиміръ), *збавиздоровля* (мучитель), *звяжирука* (препятствіе срв. Русское выраженіе: у него связаны руки), *лоточиголова* (мучитель); *пройдысвитъ* (проидоха, πολύτροπος), *паливода* (негодяй; срв. Чешск. фам. kaliwoda); *сонькидремки* (въ одной изъ колыбельныхъ пѣсень выражается желаніе для дитяти: здоровьячко на сердечко, — разумъ добрый въ головеньку, — соньки-дремки у вичeньки. Сб. Макс. стр. 95), *жаль-недоля* (ой пійшла тяжка жаль-недоля. Запор. стар. II, I, 40), *клынъ-дерево* и т. п.

б) Въ образованіи именъ прилагательныхъ Малор. нарѣчіе пользуется тѣми-же окончаніями, какія въ употребленіи и у Великороссіянъ, хотя и придаетъ имъ иногда другое значеніе. Въ этомъ отношеніи рѣзко отличаются прилагательныя притяжательныя на *иный*, происшедшія отъ существ. женскаго рода, въ томъ и другомъ нарѣчіяхъ: въ Влр. онѣ одночленныя, въ Малор. напротивъ двучленныя, такъ: *ластовиный* отъ *ластовка*, *вдовиный* отъ *вдова*. Окончаніе *кій* нерѣдко замѣняетъ мѣсто Влр. *ный: видкій*, *важкій*, *дужкій* и др. Въ формѣ слова *напилый* (козакъ), какъ и въ сѣверн. *служилый*, нельзя не видѣть причастія прошедшаго, обратившагося въ прилагательное. Для опредѣленія степени качества въ одномъ и томъ-же предметѣ служатъ тѣ-же окончанія, какія господствуютъ въ Влр. нарѣчіи, кромѣ общеупотребительнаго въ языкѣ Малор. окончанія *сенькій*, неизвѣстнаго въ первомъ: *риднесенькій*, *давнесенькій*, *милесенькій*, иногда даже съ удвоеніемъ и съ утроеніемъ слога *се*: *тонесесенькій*, *билесесесенькій* и др. Это окончаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ по значенію своему Влр. *ехонькій* и *ешенькій* и

совершенно тожественно по происхожденію. Звуки *х*, *с*, *ш*, какъ родственные гортанный, свистящій и шипящій, подвержены очень частой взаимной мѣнѣ въ нарѣчіи Малор., о чемъ имѣли мы случай замѣтить выше; эта мѣна *х* и *ш* Влр. нарѣчія въ *с* въ Малор. очевидна и въ прилагательныхъ на *есенькій;* вообще, въ словахъ ласки, нѣжности. Малороссіянинъ особенно любитъ прибѣгать къ звуку *с* въ тѣхъ случаяхъ, когда Великороссіянинъ употребляетъ *ш* или *х*, такъ: *Петруша—ся=сь*, *душа—дуся*, *матушка—матусенька*, *муха*—(Млр. дѣтск.) *муся*, *домаха — домася;* или въ притяжательныхъ мѣстоименіяхъ: *наській*, *ваській*, вм. *нашь*, *вашь*. Въ образованіи степени сравнительной Млр. нарѣчіе отличается только слитіемъ *ѣи* (=ии) въ одинъ звукъ *и* непремѣнно съ удареніемъ: *спишнíшый*, *скоришый* и удержаніемъ образовательнаго *и* (=ѣ) послѣ *к*, измѣняемаго въ *ч*, вмѣсто *а* Влр. и ст. Слав.: *крипчишый*, *коротчишый*, *близьчишый* и др.

в) Въ числительныхъ именахъ, какъ особенность, составляетъ образованіе уменьшительныхъ на *ко: двойко*, *обойко*, *тройко*, и числитальныхъ на *ро*, иногда соединяемое съ *ко: дватцятеро*, *дванадцятерко* и т. п. Въ мѣстоименіяхъ замѣчательно употребленіе древняго *сь* съ приставкою въ началѣ звука *о* (= *ось*) и сложеніе этого *сь* съ *кто* и *что* (=што=що) какъ въ именительномъ, такъ и слѣдующихъ падежахъ: *чогось*, *чемусь*, *комусь; сь* удерживается и при нарѣчіяхъ, какъ: *колысь*, *десь;* иногда слышится и самое *сь* въ удвоенномъ видѣ, подобно мѣстоимѣнію *тотъ* (изъ древняго *тъ*): *сесь — сеся — сесе;* это удвоеніе сохраняется и въ падежахъ косвенныхъ: *сесе все для нас не бридня; язик и правопис в ее сим хорошим дили....* (Русалк. Днѣстр. 1837, стр. 115, 131). Такое свойство мѣстоименія *сь*, столь развитое нъ нарѣчіи Млр. въ настоящее время и почти неизвѣстное въ Великорусскомъ, давало поводъ нѣкоторымъ ученымъ, встрѣтившимъ выраженіе *ось* въ лѣтописи Лаврентьевской (была суть 3 братья: Кій, Щекъ, Коривъ, иже сдѣлаша градокъ *ось*, стр. 9), видѣть въ немъ противорѣчіе мысли, что всѣ

древніе памятники нашего отечества не предлагаютъ ни одного факта въ языкѣ своемъ, который-бы подтверждалъ отдѣльность южно-Русскаго языка отъ сѣверно-Русскаго, по-крайней-мѣрѣ до XIII столѣтія (*). Между-тѣмъ и памятники чисто-Великорусскіе, и не столь даже древніе, какъ лѣтопись Лаврент., предлагаютъ множество примѣровъ такого употребленія *сь*. Такъ, *ось*, какъ мѣстоимѣніе, въ этомъ-же видѣ встрѣчается въ выраженіи: *и уставъ ось....* (Допол. къ I т. Акт. ист. № 4, стр. 7, столб. 2), или съ придыханіемъ *в*, въ видѣ *восе: восе твой братъ Митка* (Акт. ист. I, № 127, стр. 188; срв. тамъ-же, стр. 380; Акт. юрид. № 12), гдѣ *е* смѣнило *ь* такъ точно, какъ и въ *здѣсе: здѣсе сдѣлалъ твоею дочерью за своего племянника* (Ак. ист. I, № 146), вмѣсто употребительнаго до-сихъ-поръ *здѣсь*. Мѣстоименіе удвоенное *сесь* жило до самого XVIII столѣтія въ сѣверной Россіи, въ памятникахъ письменности правительственной, хотя въ послѣднее время и сдѣлалось какъ-бы техническимъ выраженіемъ при словахъ: *списокъ* и *указъ*: *сесь судебникъ уложилъ.... сесь приговоръ....* и т. д. (Акт. ист. I, № 153; тамъ-же, стр. 258; срв. тамъ-же, № 174, стр. 335, № 175; тамъ-же, стр. 382; Акт. ист. II, стр. 332; Акт. ист. III, стр. 117; Акт. ист. V, стр. 76; Доп. къ акт. ист. II, стр. 144; Собр. госуд. гр. и дог. I, стр. 303; Акт. юр. № 5, №№ 6, 14, 37); также было въ ходу *сь* и при образованіи нарѣчій: *будтось* (Акт. ист. I, № 124, стр. 182), *лѣтось*, *осенесь* (тамъ-же № 230, ст. 439; Акт. ист. IV, № 71, стр. 193), *зимусь* (Доп. къ акт. ист. II, стр. 11). Въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, какъ:

(*) Въ 1853 году, въ январѣ мѣсяцѣ, мнѣ было сдѣлано это замѣчаніе однимъ изъ ученыхъ знатоковъ Малор. нарѣчія, и я, не имѣя тогда въ готовности фактовъ для указанія существованія *ось*, равно и другихъ особенностей съ *сь* въ сѣверн. Русскомъ языкѣ, долженъ былъ промолчать, хотя сознавалъ, что и то и другое, при болѣе внимательномъ чтеніи памятниковъ, непремѣнно найдется, и отклонитъ обвиненіе съ этой стороны въ несправедливости высказанной мною мысли въ сочиненіи о языкѣ сѣверной Русской лѣтописи. Эти факты готовы, и я ихъ предлагаю теперь — хоть и почти черезъ *три* года, но все-таки, кажется, не поздно.

лѣтось, здѣсь, почесь и донынѣ живетъ *сь* въ говорахъ Великорусскихъ.

г) Въ образованіи глаголовъ поражаетъ болѣе всего любовь Млр. нарѣчія къ соединенію возвратнаго мѣстоименія *ся* съ глаголами средними, при-чемъ нельзя не подмѣтить и нѣкоторой особенности въ самомъ значеніи, сближающемъ такіе глаголы съ взаимными: *прысягатся, поспишатся.* Эта особенность не чужда и классу людей образованныхъ: и въ устахъ ихъ слышатся иногда выраженія: *гуляться*, *играться* и т. под. Коренные согласные гортанные: *г*, *к*, *х*, сливающіеся въ ст.-Слав. съ признакомъ неопред. наклоненія въ *щи* (= *шти*), въ сѣверн. Русскомъ въ *чи*, въ Малор. одномъ постоянно удерживаются передъ *ти: жегты*, *стригты*, *пекты*, *ректы*. Есть мѣстности и въ сѣверной Россіи, гдѣ коренные гортанные удерживаются; но вмѣстѣ съ этимъ и *т* измѣняется въ *ч*, такимъ образомъ, *к* и *г* являются въ этомъ случаѣ вдвойнѣ: отдѣльно и скрытно въ звукѣ *ч*, какъ въ говорахъ Костромскомъ и Олонецкомъ: *сѣкчи*, *толокчи*, изъ чего, какъ-будто, въ Архангельской губерніи образовалось удвоенное окончаніе *ччи: жеччи*, *теччи* и др.: *знаё јонъ выпрекчи, впрекчи, да и на ухаби зберекчи* (Посл. Олон. губ. Прибав. къ Изв. II отд. Ак. н. 1853, л. XV, 230); или: *и поѣхалъ къ бѣлу шатру полотняну розсѣкци* (=*кчи*) *стара на двое* (тамъ-же 1855, вып. 7, стр. 360). Въ Малор. нарѣчіи удерживается и коренной согласной звукъ *б*, обыкновенно измѣняемый передъ *т* въ *с: гребты* (= грести); подобной прочности не видно въ *д*, которое какъ въ ст.-Слав., Влр. и другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, такъ и въ Млр. превращается въ *с: густы*, *прясты*. Въ *с* перешелъ и звукъ *в* въ глаголѣ *плысты*, сколько можно судить по употребительнымъ формамъ *плывты*, *заревты*, образовавшимся изъ разложенія коренныхъ звуковъ *у—ю* (*плу—ти*, *рю-ти*, откуда настоящее *плову*, потомъ *плыву*, — гдѣ *ыв* вм. *ов* явилось и въ Влр. нарѣчіи какъ въ глаголѣ *плыву*, такъ и въ существит. *засывня*: къ тѣмъ-же связемъ по концамъ 6 *засывней* и съ обушники. (Доп. къ акт.

ист. III, № 48, стр. 161, — и *реву*). Глаголъ *плыть* представляетъ особенность, сравнительно съ другими нарѣчіями, вмѣстѣ съ глаголомъ *летѣть* по образованію однократнаго вида на *нуть: плынуты*; *ленуты* и *лынуты* (откуда, безъ сомнѣнія, объясняется и Русское *лынять* (=увертываться отъ дѣла): плывы, плывы щуко—рыбо, *уплынь* за водою; или:

колыб я зозуля, то-б я крылечка мала,
тоб я свого мыленького кругом облитала;
прылынула-б до двора —
у мого мыленького е друга,
то-б я стрепенулась, та й назад полынула.
Метлин. 54.

Съ Млр. *плынуть* должно сравнить и слѣд. стихъ изъ пѣсни Подголянъ Польскихъ: przyjdź suchaj ku mnie, albo przyłoń wodą (Zejszner, стр. 70), гдѣ *н* опущено передъ *лъ*. Въ глаголѣ *зѣхаты* (= зѣвать), звукъ *х* есть придыханіе, какъ въ словѣ *знахарь*, вм. Влр. придыханія *в*. Такое равенство въ подобномъ случаѣ *х* и *в* встрѣчаемъ и въ ст.-Русской формѣ *посмѣхать* вм. *посмѣвать* (Акт. ист. I, стр. 289), или еще чаще въ нарѣчіи Сербскомъ, какъ *сув*, *глув*, вм. *сухъ*, *глухъ* и др. Наконецъ, нарѣчіе Малор. заключаетъ въ себѣ немало глаголовъ отъ корней, не участвующихъ въ образованіи глаголовъ Великорусскихъ; сюда, между прочими, принадлежатъ: *половиты* (отъ *полый*?): Из-за горы витеръ віе, — жыто *половіе*. Метл. 40; *залыцатыся* (показываться, отъ *лице*) *прыбольшиты* (= прибавить), *оконыты* (нагнать конемъ), *тарахтаты* (шумѣть, скрипѣть, по значенію, а можетъ быть, и по происхожденію, сродно съ Греч. ταράσσεγν) и др.

д) Въ образованіи служебныхъ частей, нарѣчій и предлоговъ, Малор. нарѣчіе имѣетъ также свои особенности, которыхъ коснуться не лишне. Нѣкоторыя изъ словъ существительныхъ, сдѣлавшихся въ употребленіи нарѣчіями въ говорѣ

Влр. въ формѣ творительнаго падежа единственнаго числа, въ Малор. употребляются въ томъ-же падежѣ множественнаго числа: *округы* (= кругомъ)

та-й обсадыла, обстановыла
округы хмарочкамы
повнымы зирочкамы.
Метл. 146.

пишкы (= пѣшкомъ): пишкы ишлы, — шишкы неслы (тамъ-же 196). Есть также нѣсколько существительныхъ и прилагательныхъ, въ-соединеніи съ предлогами обратившихся въ нарѣчныя выраженія. Къ числу ихъ принадлежатъ: *до послида* годины дохожавъ; *на догадъ* знае; *из тыхенька* (= издали), или: *спид тыхого* (срв. Влр. изъподтишка). Съ выраженіемъ *на догадъ* нельзя не сравнить другаго, въ томъ-же почти смыслѣ: *на у манья* (наугадъ). Корень *ман* съ формою *манья* живетъ доселѣ безъ предлога въ Малороссійкомъ нарѣчіи въ значеніи призрака; въ этомъ-же значеніи употребляется *маньѓ* въ говорѣ Иркутскомъ; отсюда въ запад. Слав. нар. *tamiti* — привлекать, Рус. *манить*, *обманъ*, какъ увлеченіе призракомъ, или по ст.-Рус. правописанію *оманъ*, *оманутъ* (Ак. ист. I, № 140; II, № 258), гдѣ *б* выпало передъ *м*, какъ и въ словѣ *омѣна* или *обмѣна* (Доп. къ ак. ист. т. I, № 31, стр. 32), по тому-же самому, почему отзвукъ его *п* исчезъ передъ другою носовою согласною — *н*, въ словахъ: *сонъ* (— съпати), *утонуть* (—утопъ), *льнуть* (= льпнуть) и др. — Вмѣсто Влр. *пока* Млр. нарѣчіе имѣетъ и *закы*:

велю коням оброк дать,
возныченькам постоять,
закы маты прыйде з саду.... Метл. 226.

Оба слова происходятъ отъ нарѣчія *ка*, которое образовалось, въ свою очередь, изъ мѣстоименія *къ* и сохранилось въ

этомъ несложномъ видѣ въ значеніи *куда* у Подгалянъ Польскихъ:

moja matusiczko nie bij mnie w niedziele,
nie będziesz wiedziała *ka* ci się podzieje. *Zejszner.*

Изъ этого *ка*, чрезъ поднятіе *а* въ *ѣ*, явилось *кіе*, (Рус. (от)-*кѣ* (лѣва), (от) *кѣ* (дова); у тѣхъ-же Подгалянъ встрѣчаемъ: rosła by ja rosła, — *k e* by dobzre jadła, — dobzze piła (тамъже, стр. 74: срв. 120, 150); изъ того-же *кѣ*, по равенству *ѣ* съ *у*, произошло и *ку*, оставшееся въ словѣ *куда;* изъ *у* же, какъ во многихъ другихъ случаяхъ въ языкѣ Славянскомъ, такъ и здѣсь образовалось *ы* въ Млр. *закы.* Что касается до значенія, то *мѣсто* и *время* такъ часто въ языкѣ замѣняются одно другимъ (срв. *по сихъ мѣстъ* въ смыслѣ времени, или: *до сихъ поръ* въ значеніи: до этого мѣста), что и *ка* съ *кѣ* и *ку* съ *кы* могли выражать и то и другое. Нарѣчія сравнит. степени, вм. Влр. окончанія *ѣе*, удерживаютъ въ Млр. *ше*, тоже средній родъ прилагательныхъ: *спишнише, скорише, дешевше*, гдѣ *л*, вставленное передъ *ѣ* для смягченія *в* (дешевлѣ) въ Влр. нарѣчіи, опущено какъ лишнее, *тихше* отъ тихій, *слаже* отъ сладкій, *довже* отъ *довгій*, а не по Влр. *долше*, гдѣ *ш* смѣнило *ж*, какъ отзвучное звучное. Между предлогами нерѣдко встрѣчаются составные изъ существительнаго и предлога, изъ нарѣчія и предлога, но гораздо чаще изъ двухъ предлоговъ: *поручь себе сажае, закиль* (пока), *промижъ козакивъ*, *за для тебе*, *по уз наго двиръ, измижъ города, понадъ Десною, зъ пидъ кормыги.* Между союзами весьма замѣчательно по своему сложенію слово: *лебонь: бо винъ лебонь з ума зведе, правдонькы не скажы* (Метлин. 41 стр.); слогъ *ле* едва-ли здѣсь не имѣетъ сродства съ Польскимъ *le* въ словѣ: *ledwie, ledwo*, а быть можетъ и съ Млр.-же *ли*, въ существительномъ *литепло: начерпай воды холоднои и постав на огонь, — согрій литепла* (тамъ-же, стр. 442), и едва-ли не то-же самое, что *еле* (чуть, чуть, едва). Говоря о словообра-

зіи нарѣчія Млр., считаю нужнымъ упомянуть и о частицѣ *ка*, попавшейся мнѣ два раза изъ всей напечатанной доселѣ народной словесности Малорусской:

молить, молить Случаеви,
лихо, ка, минеться...... или:

хай-же, *ка*, твои козаки товарищи служать мини вирою и правдою (Запор. стар. I, I, стр. 52, 80). Есть въ языкѣ каждаго народа слова, которыя, употребляясь чаще другихъ, особенно когда судьба приведетъ имъ сдѣлаться выраженіями поговорочными, вслѣдствіе, такъ выражусь, безпрерывнаго тренія въ устахъ народа, какъ-будто откалываются съ обоихъ концовъ и чрезъ нѣсколько вѣковъ такой жизни своей являются такими малыми оскравышами (*) нѣкогда бывшаго *цѣлаго*, что съ перваго раза трудно бываетъ по нимъ и опредѣлить это цѣлое. Вслѣдствіе подобнаго сокращенія образовались Великорусскія пословицы: *де* изъ *дѣти* (говорить), *молъ* изъ *молвити* черезъ *молыти* (а молыти таможенному головѣ.... Ак. ист. III, стр. 270), *надо* изъ *надобно*, или по Онежскому говору *нать* (али села тѣ *нать* да со приселками. Прибав. къ Изв. II отд. акад. н. 1855, вып. 7, стр. 374) изъ стариннаго *надобѣть* (а будетъ *надобѣть* большая посылка.... Акты ист. I, стр. 325; срв. тамъже, стр. 381, стр. 453, т. III, стр. 235 и мн. др.); Польское daj изъ bodaj, которая въ свою очередь сократилось изъ *Богъ дай*: daj szczęsna Wenus była—читаемъ у Шимоновича (по Лейпцигск. изд. Бобровича стр. 40), у Кохановскаго ksze вмѣсто księże: atolim jej nie zastała dziewica, ksze miły (по томуже изд. том. III, стр. 272); такимъ-же способомъ укоротилось

(*) Областное слово Тверской губерніи, пропущенное въ областномъ словарѣ и означающее кусочки, отломки разбитаго сосуда каменнаго или металлическаго.

и Млр. *ка* изъ *каже* (отъ *казати* — говорить) вмѣстѣ съ Русскимъ *ка* въ междометіи *нука*.

3) Обращаюсь къ третьему отдѣлу—къ обзору особенно-бенностей: а) въ формахъ этимологическихъ и б) въ синтаксисѣ.

а) Въ склоненіи именъ существительныхъ нарѣчіе Малорусское хранитъ еще до-сихъ-поръ нѣкоторыя свойства языка древняго Славянскаго, затерянныя въ Великорусскомъ нарѣчіи. Къ нимъ принадлежатъ: смягченіе гортанныхг *г*, *к*, *х* въ дат. и предложн. падежахъ числа единственнаго передъ *и* вм. ст. Слав. *ѣ*: *на вильси*, *у лузи*, *у гриси*, *у руци*. (Миклошичъ так. об. ошибся, сказавъ, что такой переходъ принадлежитъ однимъ существ. женск. рода на *а*, Vergleich. Lautl. 366). Двойственное число живетъ также въ тѣхъ словахъ, которыя выражаютъ двойственность предмета въ одномъ словѣ: *два*, *вила* (=*вилы*), *нози* (пид нози пидтопчи. Макс. сбор. 36), *очыма*, *плечыма*, *дверыма;* окончаніе творит. дател. двойств. числа перешло и на числительное *три: трьома неводамы*. Въ стар. Русскомъ языкѣ, даже въ XVI—XVII вѣк., кромѣ числительнаго *три*, удерживающаго по сію пору окончаніе *мя* для творител. падежа, и другія числительныя первыхъ десяти чиселъ оканчивались на *ма*, и не только въ творительномъ, но и въ дательн. падежахъ: *къ шестма обежамъ въ придачу* (Ак. ист. I, стр. 345), *къ пятма обжамъ* (тамъ-же, т. II, № 330), *всего въ придачу пятма обжами съ третью* (тамъ-же), *къ четырьмя престоламъ* (тамъ-же № 222), *десятма человѣкомъ* (тамъ-же, стр. 443) и др. Звательный падежъ существительныхъ живетъ со всѣми окончаніями, бывшими въ древнее время въ языкѣ Славянскомъ: *доле*, *неробытныце*, *невихно*, *козаченьку*, *Марку*, *селезеню*, *Олкане—пошо*, *Трапезоньскее княжату* (Сборн. Макс. стр. 41). Въ такой-же силѣ остается и наращеніе, впрочемъ только въ одномъ дательномъ падежѣ существ. числа, *ови* и *еви: свекрови*, *краеви*. Существительныя односложныя, имѣвшія въ древне-Славян-

скомъ языкѣ между согласными, составляющими слогъ, глухой звукъ (*ъ—ь*), измѣненный въ *о—е*, удерживаютъ въ склоненіи *о—е*, не выбрасывая ихъ, подобно нарѣчію Великорусскому: *лобъ—лоба*, *ротъ—рота*, *ьодъ—льода*, *льонъ—льона*; сюда-же принадлежитъ и слово *каминь—каминя*, которое впрочемъ и въ стар. Рус. языкѣ и въ современныхъ говорахъ Великорусскихъ также сохраняетъ *е: камени — каменю* и т. д. Въ именахъ прилагательныхъ поражаетъ отсутствіе неопредѣленной формы и почти исключительное господство опредѣленной въ именит. падежѣ: *радый* вм. *радъ*, *нашый*, *вашый* вм. *нашь*, *вашь;* но оно не исчезло для средняго рода и для косвенныхъ падежей, не отличаясь впрочемъ отъ опредѣленной формы въ своемъ значеніи, какъ и въ Влр. нарѣчіи; средній родъ всегда оканчивается на *е* въ неопредѣленныхъ прилагательныхъ и на *ее* въ опредѣленныхъ: *добре, зелене просо, стебло зелененьке, сосновее видеречко*, *дубовее денечко*, *чыстее поле*, *у божу путь*, *въ обидню годину*. Предложный падежъ единст. числа вмѣсто окончанія *мъ* имѣемъ *му: на синьому морю*, *у темному лузи*, слѣдовательно—окончаніе дательнаго падежа; наоборотъ, дательный падежъ иногда отбрасываетъ *у: по новим двору*, или: *чом* вм. *чому*, употребляемое въ смыслѣ союза — *почему*,—явленіе подобное Сербскому нарѣчію, гдѣ также смѣшались оба падежа. Во множественномъ числѣ именительный опредѣленныхъ прилагательныхъ кончится какъ и въ ст.-Славянскомъ на *іи*, вм. Влр. *іе*: *червоніи, червички, золотіи крылечка*. Въ мѣстоименіяхъ замѣчательно удержаніе для нѣкоторыхъ падежей неопредѣленной формы *сь: ой як прыйде до дивчыны сю нич ночуваты; не для тебе ся калынонька сажена* (Метл. стр. 51, 96, 182 и др.); вслѣдствіе сохраненія этихъ формъ, и опредѣленныя формы употребляются въ видѣ *сяя, сюю:*

мы-ж тоби не докучымо,
сюю ничку заночуемо (тамъ-же, 185); или:
чого *сяя* з рожи квитка на води завьяла? тамъ-же, 253).

Въ числительныхъ, кромѣ сказаннаго выше объ окончаніи двойственнаго для *три*, какъ особенность представляютъ винительные: *двохъ*, *трохъ*, *десятьохъ*:

ой то-ж тоби, превражый ватажку, нас десятьох не побиты
(Тамъ-же, 454).

Въ глаголахъ также уцѣлѣло въ Млр. нарѣчіи смягченіе гортанныхъ *г* и *к* передъ *и* въ повелительномъ наклоненіи: *бережыся*, *течы;* это смягченіе простерлось и далѣе, на настоящее время, передъ окончаніемъ *у* (въ первомъ лицѣ единств. и въ третьемъ множеств.): оно существовало въ стар. Слав. нарѣчіи для звуковъ: *д*, *т*, *з*, *с*, *б*, *п* и др. передъ ѫ (— ѭ), но никогда не допускалось для гортанныхъ; между-тѣмъ Млр. нарѣчіе распространило его и на нихъ, откуда произошли: *можу*, *ляжу*, *течуть* и т. д. Третьи лица какъ единствен. такъ и множеств. чиселъ потеряли признакъ свой *ть*, что принадлежитъ, въ различныхъ говорахъ, всѣмъ безъ исключенія нарѣчіямъ Славянскимъ; кромѣ стар.-Славянскаго, впрочемъ въ этомъ отношеніи и Млр. нарѣчіе не представляетъ общности, какъ и говоры Великорусскіе, допуская иногда и *ть*, но никогда *тъ*: *ходи* и *ходыть*, *бачуть* и др. Второе лице множ. числа въ повелит. наклоненіи потеряло гласное окончаніе *е*: *вытягнить*, *щебечить*, *прыймить* вмѣсто *вытягните* и т. д. Глаголъ *дамь*, съ сложными: *отдамь*, *додамь* сохраняетъ до-сихъ-поръ древнее окончаніе 2-го лица въ единствен. и во множественномъ числахъ *даси*, *оддаси:*

сей виночок да до вечера;
у вечери дружкам *оддасы* (Метлин. стр. 138);

дасте, *додасте: дасте* на мене шитую сорочку....
ой, що-ж вы нам *додасте*, *додасте* (тамъ-же, стр. 269, 296).

Но есть случаи уже неправильнаго употребленія 2-го лица — *дасиш:*

чи *дасиш* нам Романоньку
твою сестру Оленоньку? (Русалк. Днѣстр. стр. 4).

Форма *даси* съ сложными живетъ донынѣ въ говорѣ Новгородскомъ, и весьма употребительна вообще въ стар. Русской письменности, даже въ XVI стол. и позже: а не *даси* мнѣ исправы, или судьи твои судомъ переведутъ (Соб. гос. гр. I, № 48, стр. 98); срв. *отдаси* (Ак. ист. I, № 40, стр. 81). Первое лице множ. числа получило окончаніе *мо*, какъ въ нарѣчіи Сербскомъ: *робимо*, *ходимо* и т. д.; обращеніе въ этомъ случаѣ согласнаго окончанія въ гласное, принятое всѣми западными и южными нарѣчіями, замѣчается и въ нѣкоторыхъ говорахъ Великорусскихъ, напр. въ Вышневолоцкомъ: *знаема*, *дѣлаема*. Прошедшее, сложное съ вспомогательнымъ *быти*, слышится изрѣдка единственно для втораго лица: *казав есы*, *пустыв есы*, но не сдѣлалось безличнымъ выраженіемъ, какъ въ пѣсняхъ Влр. (*гой еси*). Будущее сложное составляется при помощи глагола *мати* (= имати), который или употребляется отдѣльно, какъ: *покынуты маеш*, или сливается съ главнымъ глаголомъ: *покынутыму — меш — ме, — мемо — мете — муть*. Такимъ образомъ, въ этомъ образованіи нарѣчіе Малорусское вполнѣ сближается съ Болгарскимъ и Сербскимъ. Повелительное образуется съ помощію *нехай*, *нехъ*, *няй*. Къ числу особенностей въ глаголахъ Млр. нарѣчія слѣдуетъ отнести и форму причастія прошедшаго страдательнаго: *обвинянъ* вм. *обвитъ*: и свичка в си в рукахъ *обвиняна* хусткою (Метл. 186). Наряду съ *обвинянъ* можно поставить и Польскія: dotknieni вм. dotknięci (отъ dotknięty) у Кохановскаго и wzieni вм. wzięci (отъ wzięty) въ говорѣ Подгалянъ Польскихъ:

pzzygodami, nieszczęściem dziwnym utrapieni,
a prawie widomemi plagami dotknieni (Kochan. II, 130).

или:

cztery dudki wzieni,
ona stoi w sieni (Zejszner).

б) Синтаксисъ не можетъ представлять рѣзкихъ особенностей и для Малорусскаго нарѣчія, такъ точно, какъ онъ почти одинъ у всѣхъ народовъ Славянскаго племени. По нераздѣльности понятія и слова, выражая собою развитіе въ народѣ мысли, словосочиненіе, какъ способъ этого выраженія, удерживается несравненно крѣпче, передаваясь отъ одного поколѣнія къ другому и не подчиняясь вліянію климата и мѣстности. Вслѣдствіе подобной прочности его и независимости отъ постороннихъ вліяній, оно хранится въ существенныхъ чертахъ въ томъ-же видѣ, въ какомъ было въ вѣка совмѣстной жизни племени и въ какомъ изображаютъ намъ его древнѣйшіе памятники письменности. Формы этимологическія мало-по-малу старѣютъ, забываются, замѣняются новыми, частію отъ мѣстности и отъ сосѣдства съ другими народами,—еще болѣе можно сказать это о звукахъ; но строй мысли, а съ нею и облеченіе ея въ слово остаются тѣми-же, чѣмъ были искони, допуская только бо̀льшую напряженность, какъ плодъ развитія образованности. Въ этомъ отношеніи мы смѣло можемъ сказать, что голова Славянская устроена одинаково. Развѣ слишкомъ многостороннее вліяніе, отчасти намѣренное, другой народности не всегда можетъ быть устранено безъ слѣдовъ этого вліянія и на синтаксисъ, какъ случилось съ нарѣчіемъ Лужицкимъ, отчасти Чешскимъ. Поэтому, и при обозрѣніи синтаксиса Малорусскаго, считаемъ вовсе излишнимъ излагать въ полной системѣ законы словосогласованія, словоуправленія и словоупотребленія, ограничиваясь приведеніемъ немногихъ особенностей, и то не исключительно принадлежащихъ говору Млр., а или отличныхъ отъ ст.-Славянскаго и Великорусскаго, или уцѣлѣвшихъ отъ древняго времени и потерянныхъ въ послѣднемъ. Къ числу такихъ-то особенностей относится: а) Употребленіе сказуемаго въ среднемъ родѣ единственнаго числа (при прошедшемъ времени), хотя подлежащее множественнаго и не средняго, а мужскаго или женскаго рода: *три козакы прыйшло*, *купалося*

два голубонькы. Эта на первый взглядъ странность объясняется тѣмъ, что въ подобныхъ случаяхъ Малороссіянинъ принимаетъ подлежащее въ смыслѣ собирательномъ и при томъ безличномъ. Очень сходно съ этою особенностію нар. Млр. и Польсюое выраженіе: dwóch, trzech, czterech braci przyszło, или даже Рус. *пять, шесть.... братьевъ пришло.* Употребленіе средней страдательной конструкціи, хотя и принадлежитъ другимъ Славянскимъ нарѣчіямъ, но не столь развито, какъ въ Малорусскомъ и Польскомъ. Въ первомъ господствуетъ она и въ народной словесности и въ письменной: *на двори кони взято, за Дунай завдато* (Метлин. 215); *а не того сподѣватися абы до них прихожено и кланяносл и што приношено, але добиватися землѣ обѣцаноѣ* (Памят. изд. врем. ком. Кіевъ, т. I, 231, отд. 1). Примѣровъ такого словосочиненія немало и у Ѳеофана Прокоповича, какъ: *и воевано и строено подобнѣ* и др. б) Управленіе числительными *два, три, четыре.* Въ современномъ языкѣ Великорусскомъ числительныя *три* и *четыре* слились съ управленіемъ перваго — *два* и требуютъ родительн. единственнаго, равнаго именительному стариннаго двойственнаго числа; нарѣчіе Малорусское, напротивъ, перенесло управленіе числительныхъ *три* и *четыре* на *два*, вслѣдствіе чего послѣ нихъ и употребляется именительный множественнаго: *два голубонькы, два кущыкы, тры козакы, тры шагы, чотыри горочкы, чотыри сыны* и т. д. Подобное управленіе числит. *три, четыре* было въ-ходу прежде и на сѣверѣ (см. О языкѣ сѣвер. Рус. лѣтоп. стр. 50), даже хоть рѣдко, есть случаи соединенія и числительнаго *два* съ именит. множественнаго; но въ послѣдніе вѣка, XVII—XVIII, управленіе *трехъ—четырехъ* множественнымъ числомъ исчезло, слившись съ управленіемъ *два:* въ нарѣчіи-же Малорусскомъ оно живетъ донынѣ. Правда, есть въ Млр. пѣсняхъ примѣры и остатка двойственнаго числа послѣ *два*, но они чрезвычайно рѣдки; такъ: *два года* вм. обыкновеннаго *два годы, дви лити* (= ст. Слав. *двѣ лѣтѣ*). в) Употребленіе родительнаго

послѣ глагола дѣйствительнаго, не соединеннаго съ отрицаніемъ: *тя-б розвидала*, *розгледила чужои сторононькы*, *да не так сторононькы, як чужого пан-отченька* (Метлин. 148). Одинъ разъ попался мнѣ безъ предлога родительный падежъ и при выраженіи времени: *щаслывои годынькы родилась* (тамъ-же, 175). Этимъ я оканчиваю обзоръ особенностей нарѣчія Малорусскаго, оставляя на будущее время изложеніе по приготовленнымъ уже матеріаламъ свойствъ богатой и драгоцѣнной Малорусской народной словесности, какъ со-стороны ея содержанія, такъ и внѣшней формы, сравнительно съ Великорусскою.

Пробѣгая мысленно всѣ приведенныя выше черты Малорусскаго нарѣчія, легко замѣчаемъ, что между ними есть много такихъ, которые неоспоримо даютъ этому нарѣчію право на такое-же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія нарѣчія Славянскія. Вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаемъ и свойства общія съ другими нарѣчіями, по сравнительному количеству и степени развитія которыхъ можемъ болѣе или менѣе вѣрно опредѣлить и отношеніе Млр. нарѣчія къ родственнымъ. Принимая въ соображеніе это количество и степень развитія свойствъ общихъ, нимало не затрудняясь, должны сказать, что нарѣчіе Малорусское стоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ Великорусскимъ. Дѣйствительно, въ системѣ звуковъ, болѣе всего подверженныхъ разнообразію въ замѣнѣ по различнымъ нарѣчіямъ, Млр. и Влр. представляютъ единство: носовые ѫ и ѧ замѣняются одинаково посредствомъ *у* и *я;* шипящіе *жд* и *шт* (изъ смягченія *д* и *т*)—посредствомъ *ж* и *ч;* древніе глухіе *ъ*—*ь*—посредствомъ *о*—*е:* всеобщее смягченіе губныхъ посредствомъ звука *л* и др.; даже многіе и изъ тѣхъ звуковъ, которые отличаются отъ звуковъ литературнаго языка Русскаго, находятъ оправданіе въ родствѣ съ Влр. нарѣчіемъ по различ-

нымъ его говорамъ, какъ: *и* вм. стар.-Славянскаго *ѣ*, обращеніе *е* въ *jо*, взаимная мѣна гортанныхъ, шипящихъ и свистящихъ и многіе другіе. То-же самое можно сказать и относительно склоненія и спряженія: система въ томъ и другомъ для обоихъ нарѣчій совершенно одинакова; если и встрѣчаемъ въ Млр. особыя формы, какъ: звательный падежъ, двойственное число, окончаніе въ дательномъ единственнаго на *ови—еви*, то онѣ не развились самобытно въ немъ, независимо отъ Влр., а только прочнѣе удержались отъ старины, нѣкогда общей и для Влр. нарѣчія и, для нѣкоторыхъ особенностей, старины недалекой. Но, рядомъ съ огромнымъ количествомъ чертъ общихъ для Великорусскаго и Малорусскаго нарѣчій, находимъ въ послѣднемъ свойства общія и съ другимъ нарѣчіемъ, хотя и не въ столь большомъ количествѣ и не всегда общеразвитыми, попадающимися иногда какъ-бы случайно. Эти свойства очень замѣчательны и важны, потому-что дѣлаютъ Малорусское нарѣчіе переходнымъ отъ сѣвернаго, Великорусскаго, къ южнымъ Славянскимъ. Къ такимъ-то свойствамъ слѣдуетъ отнести въ звукахъ: Черниговское произношеніе *ик* вмѣсто стар.-Славянскаго *ѣ*, общее смѣшеніе *ы* и *и*, господство выговора *г* (= *h*), употребленіе *дж* вмѣсто *ж*, при смягченіи звука *д*, приставка *и* передъ согласными, особенно *р*, за которыми слѣдовалъ въ древности глухой звукъ; въ формахъ: смѣшеніе дательнаго съ предложнымъ единственнаго числа въ именахъ прилагательныхъ; окончаніе *мо* въ первомъ лицѣ множественнаго и слитное будущее съ вспомогательнымъ глаголомъ. Всѣ эти свойства являются господствующими въ нарѣчіи Сербскомъ, хотя послѣднее сложное будущее составляется и съ другимъ вспомогательнымъ ћу. Здѣсь можно присоединить и удержанныя черты отъ древности, одинаково живущія и въ Сербскомъ нарѣчіи, какъ: звательный падежъ, двойственное число (для словъ, означающихъ двойственность предмета), окончаніе въ дательномъ *ови—еви*. Какимъ образомъ могло произойти такое

сходство Малорусскаго нарѣчія съ Сербскимъ? Не встрѣчая ни одной черты изъ приведенныхъ выше, сродныхъ съ Сербскимъ нарѣчіемъ, въ древнихъ памятникахъ Русскихъ, писанныя на югѣ Россіи, замѣчая напротивъ, на основаніи этихъ памятниковъ, рѣзкое, въ звукахъ и формахъ, единство для языка обѣихъ половинъ Руси и имѣя въ лѣтописяхъ и актахъ Новгородскихъ рѣшительное доказательство невозможности не прорваться гдѣ-нибудь говору народному въ письменности, должны обратиться съ бо̀льшимъ еще правомъ опять къ гипотезѣ, высказанной нѣкогда М. П. Погодинымъ относительно позднѣйшаго выселенія нынѣшняго Малорусскаго племени, послѣ порабощенія юга Россіи Татарами, съ Карпатскихъ горъ,—къ гипотезѣ, объясняемой вообще родствомъ говора Малорусскаго съ Русинскимъ Карпатскимъ и подтверждаемой общими чертами съ Сербскимъ нарѣчіемъ, которыя легко могли развиться на сосѣднихъ съ Сербскими поселеніями Карпатахъ, въ мѣстности, гдѣ по Багрянородному находилась Великая Сербія. Не считаю нужнымъ много распространяться о причинѣ, почему Малороссіянинъ понимаетъ легче и скорѣе языкъ письменный Польскій, чѣмъ Сербскій, хотя, повидимому, это и противорѣчитъ выведенному мною бо̀льшему родству Млр. нарѣчія съ послѣднимъ. При пониманіи языка, всегда больше имѣетъ значенія лексическая его сторона, матеріалъ, чѣмъ формальная, строй языка; въ лексическомъ-же отношеніи Млр. нарѣчіе дѣйствительно стоитъ ближе къ Польскому; но эта близость, за исключеніемъ словъ обще-Славянскихъ, есть случайная, происшедшая вслѣдствіе продолжительнаго и всесторонняго вліянія Польши на Малоруссію, такъ точно, какъ съ другой стороны отдаленность въ этомъ отношеніи Млр. нарѣчія отъ Сербскаго появилась вслѣдствіе подобнаго-же вліянія на Сербовъ Турокъ, обнаружившагося также пріемомъ первыми многихъ словъ Турецкихъ. Но большее или меньшее количество словъ общихъ въ двухъ языкахъ никогда не можетъ и не должно слу-

жить мѣриломъ бо́льшаго или меньшаго кореннаго родства ихъ, какъ обстоятельство, наиболѣе зависящее отъ политическихъ отношенiй народовъ этихъ языковъ; этимъ мѣриломъ всегда останется строй языка, система его звуковъ и формъ этимологическихъ. Съ другой стороны, нельзя и думать о большей близости къ Малорусскому нарѣчiю Польскаго.

П. ЛАВРОВСКIЙ.